

ПРОБЛЕМА «ТРИПОЛЬЕ И СТЕПЬ» И ПАМЯТНИКИ ЭНЕОЛИТА — РАННЕЙ БРОНЗЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Проблема «Триполье и Степь» является основным разделом обширной и насыщенной разработками проблематики, занимающейся исследованием исторических связей «мира земледельцев» и «мира скотоводов» причерноморских районов древней Европы. Первой эту проблему не только выделила тематически, но и предметно занялась ее изучением Т.Г. Мовша (1961; 1981; 1990; 1993; 2000). Исследовательницей были определены научная значимость и основные аспекты нового направления изысканий: типы и хронология памятников контактировавших групп, характер контактов (обмен, влияния, инфильтрация, миграции).

Одновременно появилась и более общая концепция Марии Гимбутас о трех миграционных волнах скотоводческих народов в Европу, впоследствии неоднократно дополненная (напр.: Gimbutas 1973; 1994). У М. Гимбутас были и есть свои стойкие противники, не менее убежденные последователи и, конечно, «перебежчики». Её концепция еще способна не только разочаровать, но и завоевать сторонников. Показательны недавняя дискуссия, прошедшая на страницах журнала *Stratum plus*, №2, 2000¹, и книга, защищающая миграционную модель исследовательницы на уровне «первой волны» (Дергачев 2007).

Насколько надуманы у М. Гимбутас ранние нашествия степняков с востока и причиненные ими бедствия в Триполье и на Балканах, и далее в «Старой Европе», объективно еще предстоит оценить. Наравне с М. Гимбутас, ответственны за эти построения и те многочисленные

¹ Реально этот номер журнала вышел в свет почти двумя годами позже

авторы, которые писали и пишут о трипольской «фортификации» и сожженных трипольских поселках. На Балканах временам гипотетической «первой волны» действительно соответствуют сожженные селения и останки погибших в этих поселках людей, например, на телле «Плоская могила» (Мерперт 1989). На мой взгляд, вспышки миграционной активности в степях, несомненно, имели место и в энеолите, и в бронзовом веке. Однако в период, когда только формировались предпосылки номадизма, и отсутствовала конница, эти перемещения по степному коридору вряд ли чем-то принципиально отличались по темпам и «ужасам», например, от той «лесостепной» экспансии мотыжных земледельцев, в ходе которой ничтожная группа периферийных карпатских поселений превратилась в масштабную культуру Триполье. Что делали эти мигранты с местным населением? Подвергали истреблению?

Примечательно, что В.Н. Даниленко (хотя его картина развития энеолита зиждилась на близких М. Гимбутас миграционных моделях) предлагал оценивать взаимоотношения земледельцев и скотоводов той эпохи не столько как антагонистические, сколько как сотрудничество, межплеменное разделение труда, способствующее взаимному усовершенствованию экономических и социальных структур (Даниленко, Шмаглий 1972: 19; Даниленко 1974: 92). Эта, почти сорокалетней давности, идея, которую В.Н. Даниленко, к сожалению, не развил дальше, мне представляется плодотворной и конструктивной. В основу же альтернативных концепции М. Гимбутас современных теорий лег далеко не лучший принцип «всё наоборот».

В виду отсутствия убедительных признаков нарисованного М. Гимбутас «европейского апокалипсиса» и доказательств ранних скотоводческих миграций с востока как таковых, едва ли не все изменения на юге Восточной и в Юго-Восточной Европе стали связываться с культурами Триполье и Гумельница. Соответственно энеолит и начало эпохи бронзы степей Причерноморья трактуются как развитие «в контексте» этих культур или как результат поэтапной колонизации степной зоны земледельцами. При этом даваемая порой уровневая оценка аборигенов (мезолит, субнеолит) создает впечатление, что территорию Украины «неолитическая революция» обошла стороной: степь населена охотниками, едва знакомыми с разведением домашних животных; экспедиторами-менялами, которым предстоит распространять по степям ценности «настоящих земледельцев» и т.п., но не скотоводами. Согласно некоторым теориям, именно выходцы из среды земледельцев энеолита (прежде всего трипольские группы) первыми утверждают в степях производящую экономику, в частности, скотоводческий уклад, несут туда астрономические знания, навыки обработки металлов и даже сооружают курганы (Манзура 2003-2004).

Определенный вклад в модель «развития в контексте» внесла Т.Г. Мовша, постулируя миграции земледельцев Триполья, совместные действия Триполья и Майкопа в организации культурной среды степей и т.п. (Мовша 1993). Завершенный вариант такого рода модели предложил Ю.Я. Рассемакин (Рассемакин 2004). На первом этапе два мира — земледельцев и скотоводов — знакомятся (период «первого знакомства»). Благодаря контактам с земледельцами Триполья-Кукутень и земледельцами из общности Коджадермен-Гумельница-Караново VI, владеющей медными рудниками, происходят коренные изменения в экономической, социальной и духовной сферах жизни степного населения. Это выражается в появлении «степной элиты», в погребения

бения которой кладутся принадлежащие ей престижные вещи и предметы обмена. На втором этапе отдельные трипольские группы и, не исключено, выходцы из майкопско-новосвободненской общности обосновываются в степях. Черты подлинной монументальности, особенно у нижнемихайловской культуры, приобретает степная культовая архитектура (курганы), сближающаяся по основным признакам с европейскими мегалитами. На третьем этапе, в период Триполья СII, степная зона уже полностью зависит от «земледельческих в своих истоках ареалов — трипольской культуры и майкопско-новосвободненской общности»; обе они принимали непосредственное участие в формировании локальных степных групп (Усатово, животиловский тип) (Рассемакин 2004).

Кстати сказать, курганы непосредственно на территории Триполья, где их множество, все еще слабо и крайне неравномерно изучены. Единственным исключением является пятидесятикилометровый участок левого берега Прута в северных районах Республики Молдова. Здесь работали экспедиции В.А. Дергачева, В.А. Сафронова и других исследователей. В ходе раскопок, носивших едва ли не «ковровый» характер, обнаружилось, что далеко не все насыпи принадлежат культурам, существовавшим после Триполья, как можно было ожидать. Есть курганы заключительного трипольского периода, например, Костешты, курган № 4 (Дергачев 1982: 14 сл.). Но есть и более древние курганы с трипольской керамикой — курганы периода VII-СI Триполья², синхронные аналогичным памятникам в степи (Levički, Demcenko 1994: 225-228). Эти курганы насыпаны трипольцами? В свете новых данных приобретают вес некоторые старые находки, казавшиеся случайными в районах сосредоточения триполь-

² Определенности с находками керамики Триполья конца этапа VI, VI-VII в двух курганах у села Старые Думяны пока нет, поскольку автор раскопок, В.А. Сафронов, связывает эти памятники с ямной культурой и полностью материал еще не издан (ср.: Дергачев 1986: 54).

ских «поселений-гигантов» (например, в кургане у села Ротмистровка Черкасской области, см.: Мовша 1984: 68).

Т.Г. Мовша в свое время тоже предполагала массовые переселения из трипольского ареала в степь (Мовша 1993). Степные погребения с расписными сосудами исследовательница интерпретировала как захоронения этнических трипольцев³. Т.Г. Мовша отмечала, что количество такого рода погребений к позднему периоду Триполья прогрессивно растет. Есть небольшие степные поселения с трипольскими находками на Ингуле и Южном Буге, есть Усатово и памятники его круга. Следовательно, считала автор, имел место масштабный исход населения, способного создать в степях качественно новые, но трипольские в своих истоках культуры (Усатово).

Существование «степного Триполья», в основном на материале памятников усатовского типа, отстаивал также В.Г. Збеневич, выделивший «усатовский локальный вариант поздней (этапа СII) трипольской культуры»⁴. Но ни книга о поздних «трипольских племенах» степного Причерноморья (Збеневич 1974), ни написанные в ее ключе другие работы (Дергачев 1980) так и не объяснили, в чем, собственно говоря, заключается суть этого «усатовского варианта». В расписной керамике — этом единственном компоненте, очевидным образом связывающем усатовские памятники с Трипольем? Но она и в Усатово, и повсюду в степи, никакой не «вариант», а просто поздняя трипольская керамика, притом не какой-то одной, а самое меньшее, двух разных по времени культурных групп Триполья-Кукутень этапа СII (Петренко 1994).

³ В личных беседах с Т.Г. Мовшей мы не раз горячо дискутировали по поводу «этнической» атрибуции степных памятников. Каждый остался при своих убеждениях.

⁴ В этом «локальном варианте» в одно целое объединены Усатово, памятники типа Фолгашты, а заодно и нераспознанные комплексы с трипольской керамикой этапа СI (Сарата, Тудорова и др.). Впрочем, никто не избежал этого «греха».

Кроме того, в коллекциях Усатово мною выделен и более ранний «расписной» материал, проигнорированный или незамеченный моими предшественниками.

Четкость постановки проблемы «Триполье и Степь», объективность оценки уже достигнутых результатов и продуманные подходы к этой крайне запутанной и деликатной теме показала Н.Б. Бурдо (Бурдо 2005), чьи взгляды я во многом разделяю. Несомненно целесообразность хронологического деления Триполья по схеме, которую разработала Т.С. Пассек. Эта «керамическая периодизация» незаменима и для хронологизации памятников степи. Оптимальным представляется предлагаемое согласование этой исходно трехэтапной схемы с общей археологической периодизацией, включающей энеолит, с делением его на две или 3 ступени, и раннюю бронзу. Так, этапы А и VI Триполья — это период, соответствующий раннему энеолиту, в течение которого Триполье приблизилось к рубежу важных изменений — к образованию культурной общности. Средний энеолит соответствует памятникам этапа VI-VII, выделенного как дополнение канонической схемы Т.С. Пассек, энеолит поздний — хронологическим горизонтам VII и СI Триполья-Кукутень. Это уже культурная общность, представленная системой или культурных групп (мнение большинства исследователей), или нескольких археологических культур (по Т.Г. Мовше), или двумя основными культурами — западно-трипольской культурой расписной керамики и восточно-трипольской культурой прочерченной керамики (по Е.В. Цвек). Поздний этап Триполья, или этап СII, охватывает не весь ранний бронзовый век (РБВ), а только его первый период РБВИ, который в свою очередь тоже можно разделить на ступени. На последней из них остаточные трипольские группы/культуры сосуществуют с ямной культурой, которая развивается и позже, охватывая период ранний бронзовый век II (РБВИI). В палеоклиматической периодизации голоцена по модифицированной схеме

Блитта-Сернандера (Хотинский 1977) отрезку энеолит — РБВИ в основном принадлежит вся поздняя, третья, фаза атлантического периода (АТ-3) и лишь отчасти, возможно, начальная фаза SB-1 следующего, суббореального периода (Патокова и др. 1989: 116сл.).

Н.Б. Бурдо подчеркивает насущную необходимость детального сопоставления локально-хронологических подразделений Триполья-Кукутень и культурно-хронологических типов степных памятников, резонно полагая, что придавать большинству последних статус археологических культур преждевременно. Усатовская культура, — в ее выделении исследовательница не сомневается, — представляется Н.Б. Бурдо результатом глубокой культурной дифференциации, охватившей Триполье на этапе СII.

Справедливо отмечается, что основательного исследования экономических, социальных или идеологических основ многократно декларированной оппозиции «мир земледельцев — мир скотоводов» пока не существует (Бурдо 2005: 178). Действительно, мы мало знаем о хозяйственно-культурных типах и социально-экономических связях этих «миров», особенно степняков. Мир скотоводов энеолита еще не открыт, и даже само его существование поставлено под вопрос: охотники, субнеолит (!), удачливые экспедиторы-менялы? Полагаю, в определениях хозяйственно-культурного типа степных групп энеолита — ранней бронзы требуется осторожность и дифференцированный подход, *но не больше источников*, чем есть в настоящее время. Что касается последних, то дело вовсе не в почти очевидной тщетности ожиданий того, что еще обнаружатся какие-то неведомые степные энеолитические памятники не с таким мизерным остеологическим материалом, какой есть сейчас, и «покажут нам всё». У меня есть надежда увидеть скотоводов в «археологическом зеркале» мира «земледельцев» Триполья и дунайских энеолитических культур, *через «мир» земледельцев и в нем самом.*

В определенной степени мешает этому та, на мой взгляд, явно недостаточная четкость, с которой выделены собственно степные культурные группы и культуры, в том числе усатовская.

Все синхронные Триполью степные группы Правобережной Украины вступали с ним в те или иные контакты, для чего, вероятно, имелись веские причины, искать которые, как и оценивать последствия контактов, необходимо дифференцировано, по возможности четко выявляя партнеров (по группам и культурам, по крупным памятникам). У групп Северо-Западного Причерноморья такие контакты носили фактически перманентный характер, что обуславливалось, в первую очередь, территориальной близостью сторон. Цепь соответствующих свидетельств (в основном, «столовая»/расписная керамика) плотно и хронологически протяженна — группа Болград-Алдень и новоданиловский тип (суворовская группа), поздние энеолитические погребения, Усатово и памятники его круга, животиловский и другие типы. Чем бы ни объяснялся данный факт, он дает несравнимые преимущества для построения региональной периодизации и хронологии, позволяя опираться на основательно разработанную трипольскую шкалу, стратиграфические колонки степных памятников и радиоуглеродные даты.

Северо-Западное Причерноморье — ключевой регион в проблематике взаимоотношений трипольской культуры и Степи, хотя бы уже потому, что в нем находится Усатово — самый крупный степной памятник первобытной эпохи. Разработка на материале региона детальной культурно-хронологической схемы энеолита — ранней бронзы является актуальной задачей, посильное решение которой в этой статье ограничено ранним энеолитом. В раннем энеолите Северо-Западного Причерноморья выделяются два этапа. После их характеристики, которая проводится ниже, можно будет обсудить некоторые общие вопросы интерпретации этих и ряда других памятников

в русле проблемы «Триполье и Степь».

Первый этап раннего энеолита (этап РЭ1). Культурная группа Болград-Алденъ — древнейший вариант культуры Гумельница — представляется пока наиболее ранним звеном энеолита степной части Северо-Западного Причерноморья. Правда, в ареале этой культурной группы известна находка двух черепков культуры Боян (фазы Джулешть или Видра, точнее сказать нельзя) в том числе чернолощенный фрагмент с мотивами «волчьих зубов» и меандра в рельефном орнаменте (Бруяко, Янушевич 2001: 39, рис.23, 5). Это пока единственное свидетельство «присутствия» данной культуры на юге Буджака. Трудно сказать, в чем здесь истинная причина: в том, что культуре Боян не удалось утвердиться на самых северных берегах Дуная, или в том, что ее памятники недоступны для выявления в силу особых геоморфологических условий.

Памятники группы Болград-Алденъ, выявленные на юго-западе Украины и юге Молдавии, Л.В. Субботин выделил как болгарский локальный вариант культуры Гумельница (Субботин 1983). Другие исследователи находят, и не без оснований, что культурное своеобразие этого варианта не ограничено Дунаем и Прутом, но продолжается южнее и западнее. Это «аспект» Алденъ II, более сорока лет назад выделенный Э. Комшей (Comşa 1963), или по И. Драгомиру — Стойкань-Алденъ (Dragomir 1983). Названием памятника, открытого около Болграда, румынские археологи пользуются в исключительных случаях (Стойкань-Алденъ-Болград у К.-М. Манту). Тем не менее, данный эпоним в обозначении соответствующего культурного явления не только правомерен (Черныш 1982: 253сл.), но и необходим в виду одного принципиального обстоятельства: «болградские» памятники, в отличие от территории «аспекта» Алденъ, не знают продолжения на уровне Гумельница А2 (вообще или пока?), не говоря уже о Гумельнице В. Мнение, что Вулканешты II — один из поздних памятников «болградского варианта» — соот-

ветствует периоду перехода Гумельницы А2 к Гумельнице В1 (Субботин 1983: 129) представляется ошибочным.

Группа Болград-Алденъ в целом синхронна Гумельнице А1 и раннему Триполью, исключая древнейший его горизонт Прекукутень I (Збенович 1989: 140-141, 193). Много пишется о контактных связях этой группы и ранней трипольской культуры (Черныш 1982; Субботин 1983: 128сл.). Однако далеко не всегда можно определить, что у них (групп/культур) общего от взаимовлияний, а в чем, вероятно, сказалось параллельное развитие на близких по культуре основах. Так или иначе, контакты этой группы и Триполья А были тесными, а влияния глубокими и обоюдными, коль скоро дело не ограничилось распространением керамических изделий, кремня и, как считают, даже медной руды (Патокова и др. 1989: 24). Предполагается, что протокукутенский комплекс расписной керамики сложился не без решающего влияния со стороны Болград-Алденъ (Черныш 1982: 195).

Происхождение группы Болград-Алденъ остается во многом неясным. Складывается впечатление, что ее появление как-то связано с началом экспансии «Претриполья» с предгорий Карпат на восток. Во всяком случае, именно для фазы Прекукутень II керамика Болград-Алденъ впервые отмечается на трипольских поселениях, а трипольская — в слоях данной группы (Збенович 1989: 140). Предполагается проникновение носителей Болград-Алденъ в Буджак из Добруджи (Черныш 1982: 256), хотя первичный очаг этой группы, вероятно, локализуется там, где Э. Комша выделяет памятники ранней фазы Дрэгэнешть-Текуч «аспекта» Алденъ II — на юге румынской Молдовы.

Земли, которые приобрела, расширяясь, группа Болград-Алденъ, палинология характеризует по пробам из культурного слоя как засушливую разнотравно-злаковую степь (Кременецкий 1987), по спектру

периода АТ-3 в отложениях долины Ялпуга на северной периферии группы — как луговую степь (Волонтир 1989: 91). То был очень ограниченный участок непосредственно прилегающей к Дунаю территории Буджака. Далее к востоку лежала территория, малопригодная для прочной оседлости — приморские и внутренние районы Буджакской степи. Продвигаясь на восток, к Днестру, древние оседло-земледельческие народы оставляли ее незаселенной или заселяли неплотно и в последнюю очередь. Видимо, неслучайно «буджакские» поселки Болград-Алденъ прочно держались притоков Дуная и в открытой степи не известны. Так или иначе, но дальнейшее пространственное развитие культуры Гумельница связано с продвижением ее носителей не к Днестру, а в обратном направлении, вверх по течению Дуная.

Радиоуглеродными датами «степной сектор» группы Болград-Алденъ обеспечен плохо — две для поселения Вулканешты II (Черных и др. 2000). Сопоставление дат по методу p/k приводит к выводу о значительном хронологическом разрыве между образцами (взяты от одной и той же обугленной деревянной плахи)⁵, что хорошо видно и на хронометрическом графике (Петренко, Ковалюх 2003: рис.3). Надо полагать, расхождение в результатах связано с различиями в методах лабораторий и, возможно, с какими-то ошибками. Во всяком случае, дата Мо-417 5810±150 ВР, или 4840 – 4490 ВС для Вулканешты II в большей степени соответствует относительной хронологии и радиоуглеродным колонкам Гумельницы и Триполья-Кукутень, чем второй образец (5300±60 ВР ЛЕ-640). Однако радиоуглеродные даты для фазы А1 культуры Гумельница пока не известны, кроме даты 5640±50 ВР, 4540 – 4370 ВС для поселения Лишкотянка (Мовила Оларулуй) (Hartuche 1987: 41). Переходная фаза от культуры Боян к культуре Гумельница показала изо-

⁵ $p > 3k$, где p арифметическая разница дат, k — квадратный корень из суммы квадратов стандартных отклонений (подробнее о методе p/k см. Кучера 1977: 146-147).

топный возраст 5850, 5770±100 ВР, предшествующая фаза Боян-Спанцов — от 5985±120 до 5570±100 ВР. Гумельница А2 датируется по значительной серии образцов в интервале от 5865±150 — поселение Кэсчиоареле, до 5380±45 ВР — телль Хыршова (Mantu 1995).

Таким образом, нижний предел существования группы Болград-Алденъ лежит в начале V тысячелетия до Р.Х. или глубже, в соответствии с пересмотром древности культуры Триполье А (Бурдо, Вейдеко 1998), но остается в силе ранее предложенное определение верхнего рубежа этой группы — 4500 ВС (Петренко 1992: схема).

Временной интервал группы Болград-Алденъ приходится на раннюю часть фазы 3 (АТ-3) атлантического периода голоцена. Соответствующий отрезок АТ-3, охватывая финал первого (основного) атлантического оптимума, характеризуется неуклонным снижением среднегодовых температур, показателем чего является черноморская регрессия, и ростом засушливости климата (Бруяко и др. 1991; Петренко 1992). На этом фоне в Гумельнице происходят определенные территориальные изменения. Вначале она оставляет дунайский район Буджака, а затем, как утверждают румынские археологи (Haşotîi 1989; Hartuche, Bounegru 1997: 93), — северо-восток Мунтении и земли Добруджи. Однако исследователи не акцентируют внимания на том принципиальном обстоятельстве, что уход этот был не тотальным. Памятник Каркалиу относящийся к Гумельнице В1 (Lăzurgă 1991) тому свидетельство, как и поздние памятники Болград-Алденъ (фаза Стойкань) по правому берегу Прута. Со своей стороны М. Симон отмечает, что «аспект» Стойкань-Алденъ развивался и после конца фазы Гумельница А1, на уровне Гумельницы А2-В1 (Simon 1986: 28). Все это означает, что и на следующем, втором, этапе раннего энеолита (РЭ2) Гумельница ограничено оставалась в области нижнего течения Дуная, возможно, не заходя непосредственно в Буджак.

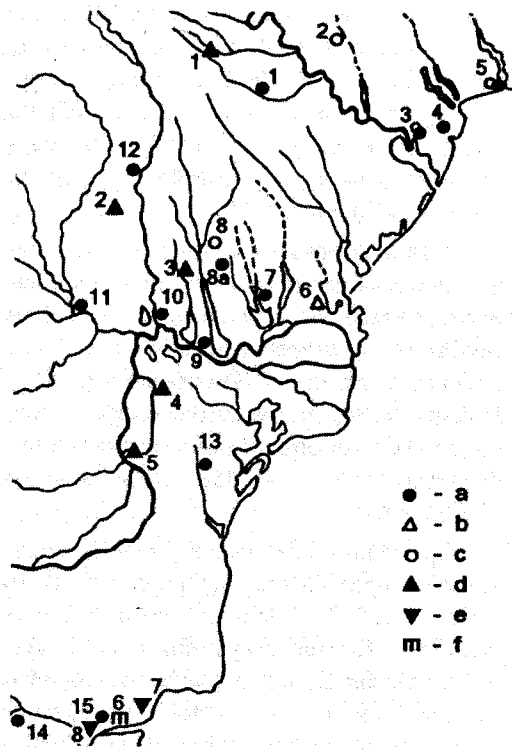

Рис.1. Ранний энеолит в Северо-Западном и Западном Причерноморье.

Памятники суворовской группы (а — захоронения, б — следы стоянки, с — единичные находки): 1 — Кайнары (ныне Кэинарь), 2 — Гиржево, 3 — Маяки, 4 — Новая Долина, 5 — Кошары I, 6 — Мирное, 7 — Суворово, 8 — Кайраклия, 8а — Кубей, 9 — Новосельское, 10 — Джурджулешты, 11 — Фундень, 12 — Фэлчиу, 13 — Касимча, 14 — Кюлевча, 15 — Река Девня. По публикации (Мовша, Петренко 1999: рис.1), с дополнениями.

Памятники культур Триполье (1-2) и Гумельница (2-8), выборочно (d — «обычное» поселение, e — могильник, f — район свайных поселений): 1 — Новые Русешты I, 2 — Берешть (Дялул Булгарулуй), 3 — Вулканешты, 4 — Каркалиу, 5 — Хыршова, 6 — Езерово, 7 — Варна I, 8 — Девня.

Второй этап раннего энеолита (РЭ2) представлен культурной группой с эпонимом от могильника Суворово II, где в 1970 г. И.Л. Алексеева обнаружила характерное и хорошо сохранившееся погребение с каменным зооморфным скипетром (Алексеева 1976). Суворовская группа, распространенная, кроме Северо-Западного Причерноморья, еще и на северо-восточных Балканах (карта 1), охватывает ту территориально обособленную часть памятников новоданиловского типа (или скелянской культуры, по Ю.Я. Рассмакину), которой присущи зооморфные скипетры и керамика сопредельных земледельческих культур, прежде всего Триполья, но также и культуры Гумельница. Вместе с тем суворовская группа — это не вариант Триполья и тем более не «степная» Гумельница, но относительно самостоятельная культурная единица, и относительность в данном случае проявляется как комплексное объединение признаков разных археологических культур. Разнородность керамики и материальной культуры в целом (исключая разве что орудийную сферу), фоновая устойчивость некоторых черт погребаль-

ного обряда — все это отличительные особенности памятников новоданиловского типа. По-своему они тоже «культура», хотя и не настолько типичная, чтобы быть предусмотренной определениями этого понятия в археологии. «Единые в многообразии» — в такой формулировке можно, видимо, подвести основной итог изучения памятников новоданиловского типа, сравнительно недавно предпринятого А.Л. Нечитайло (1996; 2000).

Что касается собственно суворовской группы, то этот термин впервые ввела И.Л. Алексеева, выделяя гипотетическую раннюю основу местной ямной культуры. Поскольку исследовательница искала этот энеолитический субстрат в курганах (тогда как суворовские могильники, скорее всего, грунтовые), где отбор комплексов велся по одному основному признаку (положение скелета на спине скорченно), то в группу попал самый разный «ямный» материал, к энеолиту отношения преимущественно не имеющий (Алексеева 1985; 1992: 26сл.). Модель суворовской группы, что следом предложил В.А. Дергачев, строилась хронологически строже (энеолит), но не имела ограничений по типам погребального об-

ряда и, соответственно, объединила погребения «всех времен и народов» данной эпохи, включая невыделенный отрезок ранней бронзы (Дергачев 1986: 65сл.). Немногим позже суворовская группа была выделена в ее нынешнем понимании, т.е. как аналог памятников новоданиловского типа, ранний энеолит (Петренко 1989). Следует отметить, что ни один комплекс данного типа западнее Днестра в Украине, не говоря уже о Молдове и Румынии, не считался на то время новоданиловским. Например, относящаяся, по моему мнению, к суворовской группе стоянка Мирное (верхний горизонт), и даже Кайнары — интерпретировались как трипольские памятники (Бурдо, Станко 1981; Телегин 1985). Эпоним суворовской группы, косвенно озвученный именем исторической личности, конечно, не самый удачный. Но альтернативы не было, поскольку прочие известные тогда памятники представляли собой если не сильно разрушенные (Касимча, Кайнары), то в чем-то оригинальные (Кюлевча) или сомнительные комплексы (например, Арциз, курган 1, погребение №17 с нехарактерным обрядом).¹ «Украшенное» в публикации новоданиловским кружочком погребение Арциз 1/17 (Алексеева 1976: 181) ввело в заблуждение не одного исследователя, предоставляя мнимое основание конструировать суворовскую группу «двух обрядов» — скорченных на спине и вытянутых захоронений (ср.: Manzura 1993: fig.2; Субботин и др. 2000: 92).

Событием в археологии причерноморского энеолита стало обнаружение в 1991 г. памятника Джурджулешты (Haheu, Kurciatov 1993)². Спустя 7 лет

¹ Сомнения оказались, увы, обоснованными: типичная новоданиловская перламутровая подвеска (которые, кстати говоря, по одной в бесспорных погребениях не встречаются, составляя детали наборных набедренных поясов), как с опозданием выяснилось из отчета о раскопках, была найдена не в самом погребении, а на поверхности курганной насыпи(!). Арциз 1/17 я отношу к посттрипольской культуре.

² Возможностью ознакомиться на месте, в Джурджулештах, с материалом этого выдающегося памятника я обязан его исследователям, особенно гостеприимству В.И. Хахеу, о чем с благодарностью помню.

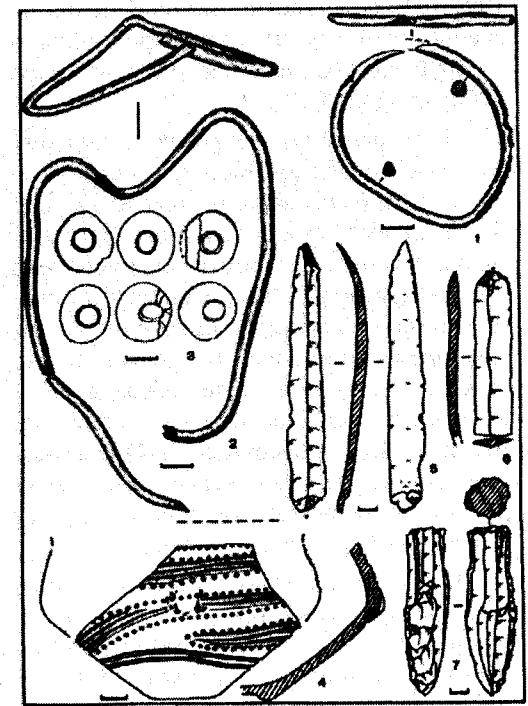

Рис.2. Переизданные находки из погребения у станции Кайнары, 5580±50 BP (Мовша, Петренко 1997; Они же 1999; R-дата: Govedarica 2004).

был исследован небольшой могильник Новосельское в районе древней переправы через Дунай (Vančugov ș.a. 1999). С учетом этого материала и дополненного переиздания комплекса Кайнары³ итоговая характеристика суворовской группы как локально-территориального проявления новоданиловского типа получилась более или менее полной, по крайней мере, по охвату памятников (Мовша, Петренко

³ Новейшие публикации ввели в данный комплекс трипольский черепок (Govedarica 1998), отсутствующий в исходном издании (Мовша, Чеботаренко 1969). В 1992 г. в Историческом музее г. Бендеры, изучая материалы, обнаружил среди вещей комплекса трипольский черепок, привал о ней автора открывшая память. И.Л. Чеботаренко подтвердил находку той же единичной детали одного сосуда. Событие, хотя и не совсем ясно, но все же слышны, что не удивительно, поскольку погребение было открыто случайно при раскопках. Поврежденный сосуд и отдельные замечательные вещи из Кайнар еще до первого издания автор возил для иллюстрации своих научных докладов

1997; 1999). Аналогичные обобщения по суворовской группе были проведены и в зарубежье (Govedarica 1998; Манзура 2000; Яровой 2000).

Дополнений и поправок к первому изданию комплекса Кайнары обнаружилось много: «шумящий» браслет-кольцо оказался обломком пружинного браслета, медная «гривна» — обрывком проволоки или распрямленным в древности вторым пружинным браслетом, иными оказались пропорции трипольского сосуда и т.д. (рис.2). Изотопный анализ образца кости из этого погребения показал вполне корректную дату (Govedarica 2004), согласующуюся с предложенными ранее датировками памятников суворовской группы (Петренко 1989; 1992: схема).

Что нового можно добавить из археологических памятников к суворовской группе и к ее характеристике? Прежде всего, уверенность в изрядной многочисленности погребальных памятников новоданиловского типа вообще и суворовской группы в частности. Те условия и обстоятельства, при которых они обнаруживаются, не оставляют в этом никаких сомнений. Поэтому то, что уже известно, — это лишь верхушка «айсберга». Открываются памятники всегда случайно. Если это происходит помимо археологов, погребения «замечают», когда в них есть металл или хотя бы каменные ограды и много красной охры. Если, кроме меди, есть золото, погребение могут по понятным причинам не «заметить» вообще. Румынские и болгарские «золотые» по-

и металлографии в Киев и Москву, где материал увидели десятки специалистов. Поэтому соавторы переиздания Кайнарского комплекса опрометчиво не оговорили появление «новых находок» (Мовша, Петренко 1997; 1999), и теперь это приходится делать с большим опозданием. «Канонический» материал вместе с неизвестного происхождения обломком по музейной документации проходят под № 548 как находки тогдашнего директора Бендерского музея В.Р. Зайцева. Г.Ф. Чеботаренко, передавший музею все вещи из комплекса, не упомянул вообще. Не исключая, что Зайцев мог самостоятельно побывать в Кайнарах и найти там черепок. Однако это не означает, что этот обломок имеет непосредственное отношение к комплексу in question.

ребальные комплексы, например Фунденъ (Петренко 1993) составляют отрядное, но малоутешительное исключение. При научных раскопках новоданиловские погребения то и дело обнаруживаются под курганами, к которым не имеют никакого отношения (те же Джурджулешты под курганом ямной культуры), или просто на «ровном месте», например, под античной или гальштатской застройкой (Кошары I, Новосельское). В свете последних раскопок не может быть никакой уверенности в том, что некогда выявленные одиночные могилы (Касимча, Суворово II-1/7 и др.) были таковыми в действительности, а не, скажем, частью обширных могильников с дисперсной планировкой. В свете последних раскопок велика вероятность того, что открытые некогда одиночные могилы (Касимча, Суворово II-1/7 и др.) не были таковыми в действительности, а не, скажем, частью обширных могильников с дисперсной планировкой. Новоданиловские/суворовские памятники редко попадают на информативные стратиграфические разрезы, как, например, в Новой Долине (Петренко и др. 2002). Однако, несомненно, что в большинстве своем — это все-таки грунтовые, а не курганные могильники. Вместе с тем не исключено, что некоторые захоронения отмечались на поверхности небольшими насыпями, как это имело место в предположительно относящемся к суворовской группе кургане 5 могильника Кубей (раскопки Л.В. Субботина, материал не опубликован). Во всяком случае, примечательная приуроченность погребений раннего энеолита к положительным формам рельефа, похожим на курганы, а также невысокие подлинны насыпи неоспоримо наблюдаются на востоке новоданиловского ареала, возможно, в связи с появлением именно там первых курганов (Братченко, Константианеску 1986; Шишлина 2007: 26сл.).

Трудно сказать, насколько исчерпана как энеолитический памятник стоянка Мирное. Она дала скромный, но выразительный материал, за некоторыми исключениями, аналогичных находкам в захоронениях. В первичном залегании находки раннего энеолита зафиксиро-

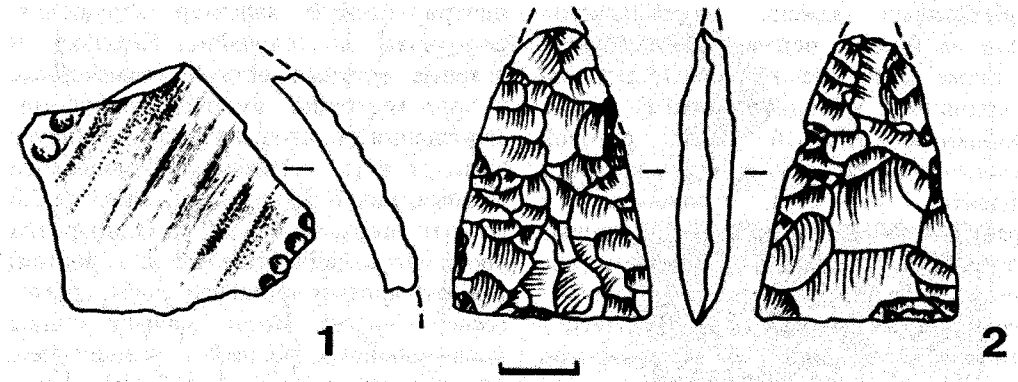

Рис.3. Стоянка Гиржево: находки раннего энеолита (1-2). Раскопки В.Н. Станко.

ваны на небольшом малонасыщенном участке в плотной серо-суглинистой подпочве. Относящееся к этому слою углубление с очажным пятном — землянку или очажную яму — четко проследить, к сожалению, не удалось по причине позднейших разрушений (Бурдо, Станко 1981). Памятник лежит далеко от границ Триполья, в ареале суворовской группы и, следовательно, может ставиться в связь, прежде всего, именно с ней.

Возможно, перспективен пункт, приуроченный к другому, не менее известному памятнику каменного века — Гиржево (Станко 1967). Стоянка Гиржево расположена на высоком террасовидном уступе правого берега реки Кучурган (41 м над поймой). Основной находкой здесь является неолитический (?) кремль. Кроме кремня, в почвенном покрове и в подстилающем слое серого суглинка имеется керамика, которой представлен неолит, энеолит, ближе неопределимая бронза, античность. В энеолитической части коллекции, суммарно отнесенной В.Н. Станко к концу развитого — началу позднего Триполья (VI-VI, по Т.С.Пассек), выделяется черепок с отпечатками круглого штампа и каннелюрами (рис.3, 1). Как и аналогичная керамика в Кайнарах и Мирном, этот образец датируется временем относительно ранних фаз Триполья VI, не позднее Кукутень А3. Скорее всего, именно с этим, а не с иным материалом в Гиржево следует связывать обработанный с обеих сторон кремневый наконечник дротика с отломанным, но подправленным в

древности острием, в легкой молочно-белой патине (рис.3, 2).⁴

Из других местонахождений стоит отметить комплексный памятник Маяки в низовьях Днестра, где найден фрагмент донной части сосуда Триполья А-VI и давно открыто, ошибочно отнесенное к усатовским (рис.4), новоданиловское захоронение (Петренко и др. 2003). В Маяках оно, вероятно, не единственное. Уже известно, что за переопределением якобы одиночного погребения из материалов старых раскопок как новоданиловского может последовать обнаружение обширного могильника. Так произошло на памятнике Кошары I на Тилигуле (Мовша, Петренко 1997).

Наши исследования показали, что в могильнике Кошары I находится как минимум 30-35 погребенных, взрослых обоюбого пола и детей, в индивидуальных и совместных захоронениях, расположенных тесными рядами, в один или несколько ярусов. На вскрытых небольших участках выявлены захоронения разной степени сохранности, содержавшие останки не менее 16 человек (рис.5, 1; фото 1). Инвентарь могильника сравнительно беден, но типичен. Серийно представлены кремневые изделия (рис.5, 2-4), в основном, наконечники

⁴ Не исключено, что в коллекции Гиржево есть и другой энеолитический кремневый инвентарь, но типологически выделить его пока не удалось.

дротиков; медные проколки и пронизи; набедренные пояски «хвалынского» типа из мелких перламутровых бусин, а также каменные кнопочные вставки («запонки»⁵). Индивидуальны такие находки как медный браслет, роговой наконечник-стержень и костяная «флейта». Керамика, трипольская и «ракушечная», фрагментарна. В некоторых погребения ставились примитивные стелы, в одном случае составлявшие ограждение изголовья (фото 1). Несомненно, могильник функционировал продолжительное время. Тем не менее, основные черты погребального обряда не претерпевали заметных изменений: компактная планировка, овальные ямы, захоронения в старые могилы, охровые подсыпки, стабильные позы и ориентация погребенных (северо-восток, на спине, с приподнятой головой, с подогнутыми ногами, поставленными коленями вверх). Кошары I явно принадлежали некой тесно сплоченной популяции, возможно, родовой группе.

Несравнимо более высоким уровнем материального достатка и особыми возможностями организации ритуальных мероприятий обладала социальная группа, которой принадлежал погребальный памятник Джурджулешты (Наheu, Kurciatov 1993; Манзура 1997). Исключительно интересен структурный центр этого, быть может, мужского могильника — своего рода стоянка, «культовое» место. Вероятно, какие-то детали здесь утрачены, поскольку «культовый» комплекс, как и погребения, выявлен ниже древней почвы на уровне «материка». Тем не менее, на данном «культовом» участке (6,2 × 3,8 м) видна примечательная очередность обрядовых сооружений: круглой трамбованной (глинобитной?) площадки, кострища-очага и трёх ровиков. Видимо, ровики появились позже, чем площадка, поскольку один из них срезал ее край. Площадка была нарушена также и круглым очажным

углублением (кострищем). Учитывая центрированный характер нарушения, оно вряд ли случайно. Угольки и жженные костные остатки, отмеченные в золе кострища, имелись в золистом заполнении ровиков и на верхнем ярусе засыпки всех погребений. Ровики эти прямые, почти одинаковой длины от 3,8 до 4 м, шириной 0,5-0,6 м. Один ровик своей направленностью (запад — восток) как бы противопоставлен двум другим (север — юг). Возле южных концов параллельных ровиков размещались круглые ямы-колодцы. Глубокий, около 5 м, западный колодец внизу сужался наподобие воронки, переходя у дна в простую четырехугольную яму с отвесными стенками, отведенную под главное мужское захоронение №4. Над воронкой стена колодца имела по кругу глубокий паз, который мог бы предназначаться для деревянной заглушки, но ее очевидных остатков не обнаружено. Густо окрашенный охрой паз, скорее, зримо подчеркивал разграничение семантически разных уровней сооружения, нежели нес в колодце какие-то технические функции. Колодец был наполовину засыпан ранее выброшенной отсюда чистой глиной. На глину легла темно-серая почва, верхний слой которой выделялся как своеобразный жертвенник-зольник, отмеченный примесью очажных остатков и скоплением черепов животных (около 5). Остеологическая опись пока не опубликована. Известно только (Манзура 1997: 28), что найдены черепа быков и коней, тогда как сравнительно небольшой восточный колодец, или жертвенная яма №1, в которой человеческие останки не обнаружены, вмещала черепа быков и козлов. Участок к востоку от обрядовых сооружений в Джурджулештах занимали захоронения троих детей в индивидуальных катакомбах. Возможно, планировка, устройство этих могил, в том числе их размерность, и половозрастные данные захоронений взаимосвязаны. Так, в ближней катакомбе с самой широкой входной ямой находилось захоронение трехмесячного младенца, в дальней катакомбе с узким входным колодцем-шахтой — трехлетнего ребенка (оба,

⁵ Вероятно, аналогичные изделия найдены в погребении с каменным скипетром в могильнике Улан-Толга (Джангар) (Телегин и др. 2001: 74; Шишлина 2007: 31).

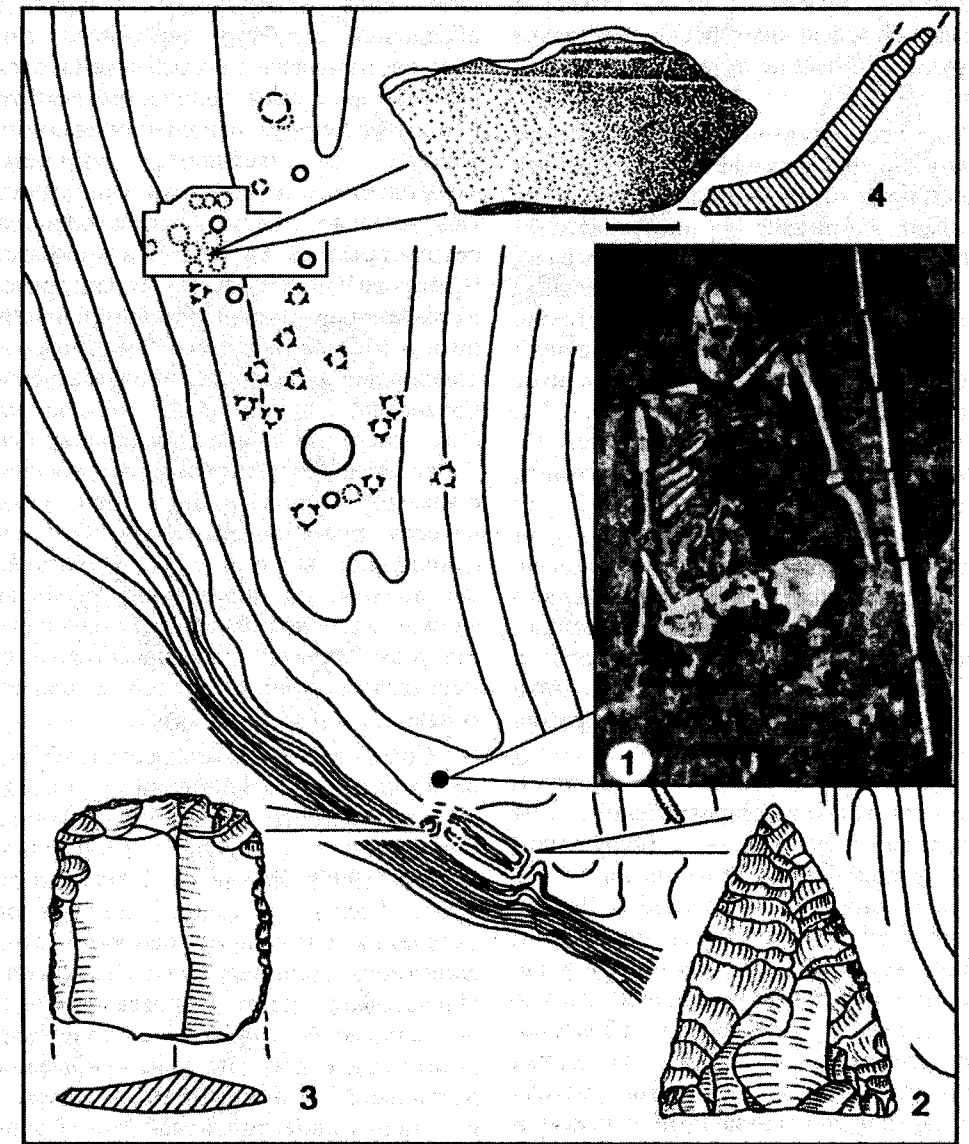

Рис.4. Маяки: энеолитические находки и погребение (1-2 — по Збеневич 1974).

вероятно, мальчики, поскольку найдены кремневые пластины-ножи, как и в мужском погребении №4). Между ними разместилось промежуточное по размерам и форме входной ямы погребение с хаотическим состоянием скелета и сопроводительного инвентаря. Здесь не было оружия, но найден разбитый сосуд культуры Гумельница, орудия, амулеты (?) и украшения. Авторы раскопок предположили, что погребение разорили в древности грабители, но этому

противоречит целостность заполнения и прочие характеристики комплекса. Судя по всему, можно говорить об особом ритуале, материальные остатки которого вместила катакомба №2, отличном от скорченных на спине захоронений в катакомбах №№1 и 3. В стороне от остальных могил и комплекса обрядовых сооружений находилось еще одно, принадлежавшее взрослому человеку погребение №5, также «безоружное», в простой прямоугольной яме, но с медными браслетами, нагрудным

украшением-знаком из клыка кабана и низками бесчисленных бусин (не только на груди, но, подобно путам, оплетающим ноги).

То, что памятник Джурджулешты — это сложная знаковая структура, все компоненты которой взаимосвязаны, не вызывает сомнений у исследователей (Манзура 1997). Второстепенных деталей, как и в других древних сакральных памятниках, здесь нет. Замечательно, что даже непревзойденный воинский набор погребения № 4, не заслоняет от исследователей такие, казалось бы, «мелочи», как копытца барашка. Не вникая в структурные детали памятника, отметим значимость числа 5 (с вариативным проявлением то одного, то другого как бы выпадающего элемента, не нарушающего, но усиливающего числовую закономерность) и оппозиции чета-нечета, аналогии чему есть в могильниках времени Усатово (Петренко 1982: 40-41). Так, в Джурджулештах обрядовых сооружений всего 5 — 2 (круглые «структуры») + 3 (ровики); пять жертвенников-погребений на центральном участке — 2 («круглых») + 3 (катакомбы); пять могил — 2 прямоугольных + 3 катакомбы. Ровики различаются направлением как 2 + 1, равно и катакомбы по роду обряда и т.д. Пока отложим также очевидную для нас возможность рассмотрения обрядово-символической структуры памятника Джурджулешты как «царского» ритуала типа *Agnicayana*, связанного с огнем и жертвенными животными, которых по канону 4 (конь, бык, баран и козел). Пятая, основная, жертва в ритуале — человек. Не так давно этот ритуал всесторонне изучал на древнеиндийском материале Б.А. Литвинский (1991).

С моей точки зрения, принципиальное значение имеет то обстоятельство, что в отличие от более поздних погребальных памятников (например, курганов того же Усатово), в Джурджулештах структурный центр — это не могила высшего военно-сакрального лидера (№4), а именно обрядовые сооружения. Начавшая оформляться в раннем энео-

лите идея центральных сакрально-обрядовых структур курганного типа явно соотносилась с погребениями, атрибуты которых как в количественном, так и в качественном отношении скромны. Таковы, в частности, считанные захоронения с каменными скипетрами. Показательно, что такого рода захоронения осуществлялись не только в кромлехах (Суворово II) или первых курганах (притом необязательно как основные захоронения), но и в составе обширных, аморфных по планировке и распределению статусных признаков грунтовых могильниках (Хвалынский). Вопреки предположениям (Govedarica 2004), персоны, погребенные с каменными скипетрами в степи, никак не могут претендовать, по крайней мере, единолично на статус «*der Herrscher der Steppe*», но определенно обладали, прежде всего, неординарным сакральным статусом, являясь, как представляется, носителями особых знаний в области коневодства (Петренко 2008).

Сейчас всё четче выявляются глубокая древность одомашнивания лошади, осуществленного на юге Восточной Европы еще в неолите (Журавльов, Котова 1996; Журавлёв 2004; Котова 2002: 52 сл.), и факты синхронного осознания ритуальной ценности этого животного (Дергачев 2007: 232, 298 сл.). Последовательность «человек — лошадь — корова — овца» (ее элементы расставлены в порядке убывания ритуальной значимости), восходя к общеиндоевропейской традиции (Иванов 1979), составляет органическую часть обрядовых контекстов восточно-европейских энеолитических культур — Хвалынский (Агапов и др. 1990), Новоданиловка — Джурджулешты.

Сравнительно поздний хронологический уровень и явная новизна очередного пласта сакральной символики, связанного с лошадью (энеолитические скипетры), как можно предположить, объясняется не столько появлением новых этнических единиц (хвалынская культура, суворовская группа и др.), сколько достижением их представителями неких качественно новых коневодческих рубежей. Полагаю,

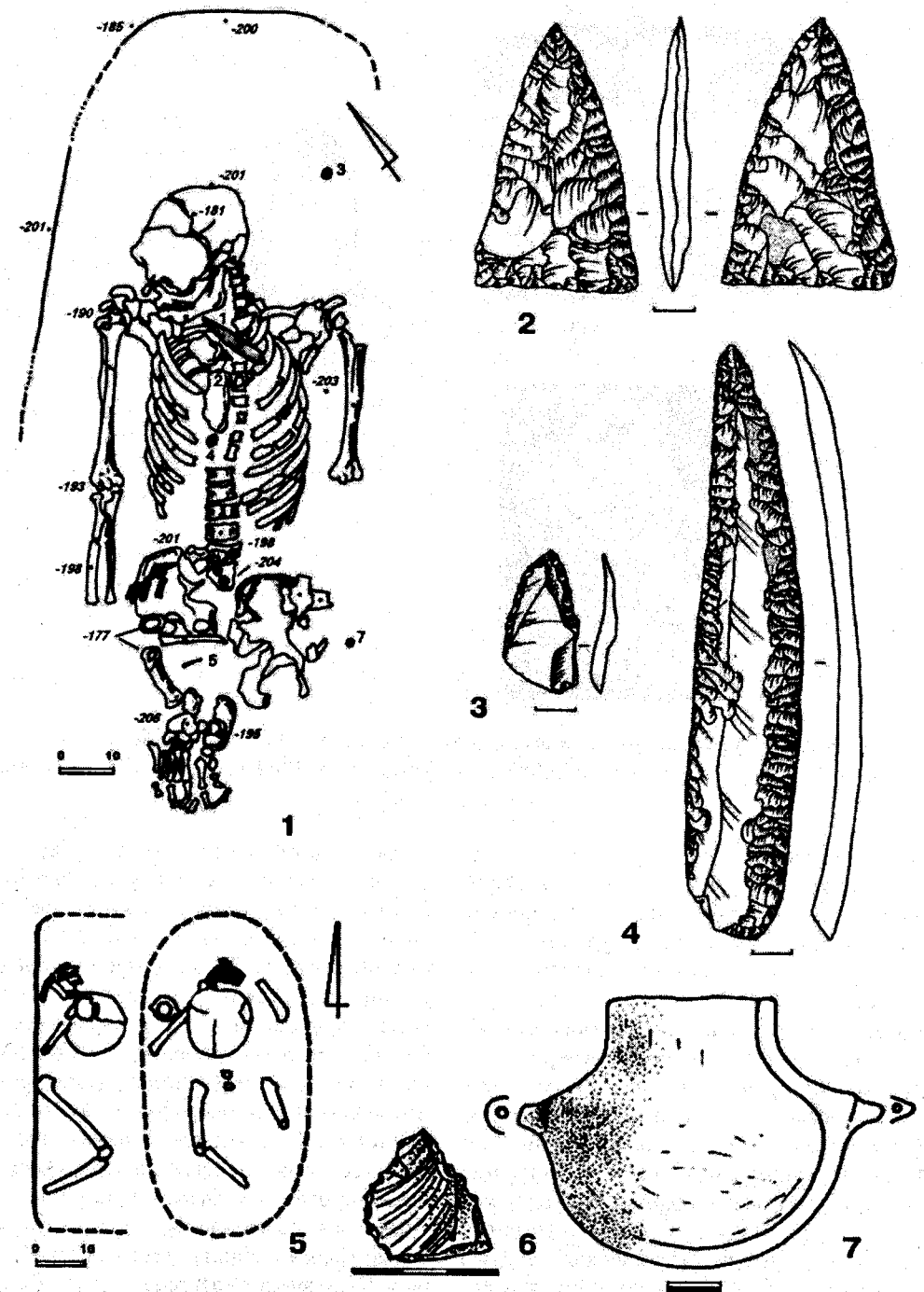
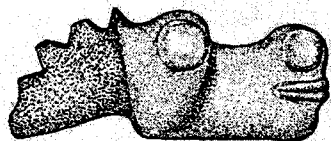

Рис.5. Погребения и некоторые находки в грунтовых могильниках суворовской группы: 1, 3-4 — Кошары I, погребение 3/2 (4950±70 BP); 2 — Кошары I, погребение 4 (5150±70 BP); 5-7 — Новосельское, погребение 5 (5-6 — по Vančugov s.a. 1999, 7 — зарисовка автора).

1

2

3

4

Рис.6. «Суворовские» скипетры и предполагаемый способ их ношения: 1,4 — Суворово II (Петренко 2008), 2 — Кайраклия (Руссев 2003); 3 — Касимча (Popescu 1940).

этим рубежом была верховая лошадь, соответствующий тренинг которой являлся, как и все «высокие» архаические технологии, сакральным уделом избранных, или «тайной клана», как пишет О.П. Журавлёв (2004). Тем более примечателен очаговый (клановый?) характер распространения сакральных символов, представленных двумя разновидностями каменных скипетров (зооморфных и ропаломорфного типа, по нашей терминологии). Суворовская группа ассоциируется с зооморфными скипетрами (рис.6, 1-3). Вместе с тем необходимо иметь в виду, что гипотетическая верховая функция лошади, вопреки популярному мнению, в иконографии как этих, так и ропаломорфных скипетров, никоим образом не отражена.

Жаркая дискуссия о войне степняков с Триполем отодвинула на задний план логичное предположение о причастности суворовской группы к появлению ски-

петров зооморфного типа (Дергачев, Сорокин 1986), поскольку на «военные нужды» пошла совсем иная модель развития скипетров (Дергачев 2007: 143, рис.38, карта.1). На деле предположение о «причастности» подтверждается по всем признакам — географическим (ареал распространения скипетров), контекстуальным (находки скипетров в погребениях), петрографическим (породы скипетров). Местное, «суворовское» влияние сказалось даже на появлении модифицированных булав мариупольского типа, свидетельством чему служит зооморфный набалдашник из погребения под Кюлевчей (Važarova 1988). Способ ношения скипетров был прост (рис.6, 4), и эти каменные символы вряд ли нуждались в накладных лошадиных гривах, ушах и хвостах «этнографических жезлов» предполагаемых агрессоров (Дергачев 2007: 211, рис.69).

Итак, в суворовской группе на

сегодняшний день известно несколько пунктов единичных находок и некая стоянка, возле которых, уверен, стоит настойчиво поискать «суворовские» захоронения. Есть, наконец, сеть погребальных памятников, в частности, одиночные (?) погребения, включая могилы носителей скипетров. Базовым компонентом намечающейся структуры «суворовская группа» являются небольшие, в основном, могильники с поливариантной планировкой по дисперсной схеме (Джурджулешты, Новосельское, Фэлчиу, возможно, Новая Долина) и один крупный ярусно-рядовой грунтовый некрополь (Кошары I), чья планировочная структура близка хорошо известным восточнее могильникам неолита-энеолита. Как датируются памятники суворовской группы?

Какая-то еще не выявленная часть памятников суворовской группы синхронна Триполю А, учитывая находки в Маяках (рис.4,4) и некоторых памятниках Болград-Алдень («застежка» и перламутровые бусы) (Субботин 1983: рис.20/7, 23/6-10). С группой Болград-Алдень связывает сосуд культуры Гумельница А2 из Джурджулешт Т.Г.Мовша (2000). Есть несколько фрагментов керамики скелянского типа (Мирное, Кошары). Для сосуда из Новосельского (рис.5,7) самой близкой аналогией являются миниатюрные амфоры периода Кукутень А3 из Скынтеи (Scântea, 1999, р.84, pl.111-112). Наиболее позднюю привязку дает топор-молот типа Ширия (могильник Фэлчиу): Кукутень А-В (Манзура 2000: 248).

По отношению к трипольской шкале, несомненно, корректны изотопные даты памятников Джурджулешты и Кайнары (таблица). Кошары I характеризуются как предельно поздний новоданиловский памятник (таблица). Получается, что даже по старшей дате этот объект едва ли не на тысячелетие моложе однотипного Криворожского могильника (Котова 2006: табл.14), в среднем на 400 лет моложе других памятников суворовской группы и приблизительно синхронны периодам VII-СI Триполя. Возможность

столь поздней синхронизации вызывает определенные сомнения (учитывая, например, что почти аналогично датируется близлежащий могильник Кошары II с другим инвентарем и обрядом). Поэтому в целом кошарские даты целесообразно пока рассматривать в качестве предварительной, проверочной серии.

Итак, хронологические границы раннего энеолита еще будут корректироваться. Более или менее уверенно можно провести разграничение первого и второго этапов, РЭ1 и РЭ2, около 4500 г., отводя этапу РЭ2 «калиброванный» промежуток 4500-3900 BC.

Таблица
Радиоуглеродные даты памятников суворовской группы

№	Объект	Индекс	BP	BC(68,2%)
1	Кайнары	KIA-369	5580 ± 50	4455 - 4360
2	Джурджулешты	Ki-7037	5560 ± 80	4490 - 4330
3	Кошары I, п.1	Ki-9784	4920 ± 70	3780 - 3640
4	Кошары I, п.3, ск.2	Ki-9785	4950 ± 70	3800 - 3650
5	Кошары I, п.3, ск.4	Ki-9786	5035 ± 70	3950 - 3760
6	Кошары I, п.4	Ki-9787	5150 ± 70	4050 - 3800
7	Кошары I, п.5, ск.1	Ki-9788	5180 ± 70	4220 - 3810

№№ 3-7 — предварительная серия, требующая проверки. Образцы — кости погребенных людей; п. — погребение, ск. — скелет. Калибровка — Ox.Cal. v.3.10. Источники: 1 — Govedarica 2004; 2 — Телегин и др. 2001; 3-7 — Петренко, Ковалюк 2003

Некоторые общие вопросы проблемы «Триполье и Степь». Неоценимые труды многих и многих исследователей, изучавших трипольские и синхронные степные памятники, позволяют осознать, по крайней мере, одно принципиальное обстоятельство. Представляется, что, исследуя в рамках проблемы «Триполье и Степь» взаимоотношения населения разных природных зон, носителей разных культур и хозяйственно-культурных типов, археология объективно вышла на реально существующую

твовавшую долговременную, масштабную культурно-историческую систему. В этой системе есть место и земледельцам, и скотоводам (и актуальной становится идея В.Н. Даниленко, упомянутая в начале статьи). В частности, для раннего энеолита приобретают значимость мало кем разделяемые предположения о том, что носители скелянской (новоданиловской, или, в расширенной трактовке, средне-стоговской) культуры были подвижным населением, существование которого основывалось на пастбищном скотоводстве, древнем пастушестве (Даниленко 1974: 91-92; Рассмакин 1997: 273; Телегин и др. 2001: 131). Более того, возможно, это не самое древнее скотоводческое население на юге Восточной Европы.

Хозяйственный уклад степных групп иногда лучше виден на материале именно Триполья. Например, определенный, экономически обусловленный интерес к лошади наблюдается в прилегающих к степи земледельческих районах тогда, когда в степях распространяются памятники новоданиловского типа с каменными скипетрами, запечатлевшими сакральный образ лошади (ср. Дергачев 2007: 277 сл.; Круц 2001-2002: 182; Петренко 2008: 71). По мнению О.П. Журавлёва, домашние лошади Триполья (на позднем этапе среди них отмечена тягловая, с характерной костной патологией породы) происходят из района развитого коневодства в Поднепровье (Журавльов 2008: 25).

В трипольской культуре на этапе А, наряду с животноводством, важным источником мяса была охота. В.А. Круц полагает, что трипольское животноводство постепенно прогрессирует, достигая предела на этапе СІ, когда роль охоты соответственно минимальна (Круц 2001-2002). Количественные показатели некоторых самых древних и очень небольших трипольских памятников просто поразительны, даже с учетом длительного существования объектов. Например, Бернашевка: всего 7 глинобитных площадок, 6 раскопано; домашних живот-

ных, в пересчете определимых костей на особи, меньше, чем диких, — 40,8% и 59,2% соответственно. Но это, как минимум, 240 голов крупного домашнего рогатого скота, 37 овец и коз, 46 свиней, множество других, в основном диких, животных (Збенович 1980: 142, табл.4). Автор раскопок памятника отмечает, что большинство находок костей домашних животных соответствует времени глинобитных площадок, тогда как кости диких видов преобладали в слое, отложенном до появления этих сооружений (Збенович 1980: 56, 149). Как бы ни интерпретировался бернашевский феномен (свидетельство престижной экономики, церемония типа *потлача* и т.п.), он повышает кредит доверия к аналогичным степным показателям, которые выглядят фантастически высокими (Котова 2002: 52 сл.). Кстати, в Бернашевке найдены древнейшие в Триполье образцы «восточной» керамики — азово-днепровской культуры и какая-то керамика, как полагают, близкая средне-стоговской (Котова 2006: 127).

О.П. Журавлёв отмечает большое разнообразие пород мелкого и, особенно, крупного домашнего рогатого скота на трипольских поселениях в целом и, одновременно, значительную вариабельность типов животноводства. Причем преемственности между породами домашнего быка из поселений *разных* этапов почти не наблюдается (Журавльов 2008: 69). Эти данные позволяют заключить, что скот трипольцев имел *разное* происхождение. Примечательно, что домашняя свинья, ограниченно или совсем не разводящаяся степняками, составляет весомый компонент животноводства Триполья и на большинстве поселений этой культуры характеризуется, по данным О.П. Журавлёва, однородным породным составом.

Гипотеза о существовании системы «Триполье – Степь» позволяет объяснить распределение между лесостепными (трипольскими) и степными комплексами керамики, скипетров, каменных булав, костяных (роговых) предметов с боковой

петлей («застежек») и других артефактов скелянской/новоданиловской культуры. Тщательно картографированное, это странное, как считает И.В. Манзура, распределение не сопровождается признаками «горизонта войны» и, соответственно, не является свидетельством степной инвазии в Триполье (Манзура 2000). Но если принять предполагаемые этим исследователем культуртрегерские миграции земледельцев, хотя бы и пассивно настроенной их части, избирательный вынос в степь отдельных элементов культуры выглядит не менее странно.

Находкам скелянской, или ранней средне-стоговской керамики в Триполье издавна уделяется пристальное внимание, и с них, собственно говоря, началось изучение степных связей трипольской культуры (Мовша 1961). Сейчас такого рода находки, предметно изученные в отношении форм, орнаментального стиля и, главное, технологии, в Триполье VI известны практически повсюду, в том числе и на предельном удалении от степей (Палагута 1998). Этот тип керамической продукции, представленный единичными образцами в Триполье А (Бурдо 1993: 28; Бурдо, Видейко 1998), сохраняется до этапа VI-VII включительно (Виноградова 1983: 57). На смену ему (типу) пришел тот характерный и в целом единообразный комплекс «кухонной» трипольской ракушечной посуды, который не претерпевал кардинальных изменений вплоть до наступления позднего этапа культуры, Триполья СII (Dodd-Opritescu 1980).

В связи с этой керамикой неоднократно высказывались предположения о притоке в Триполье средне-стоговского населения и нарушении чистоты трипольского этноса (Мовша 1961: 195-199; 1990: 169). Конкретизируя данный тезис, Т.Г. Мовша связывала распространение в Триполье керамики «степных» типов со «степными

⁶ Обращает на себя внимание наличие «застежек» к северо-западу от Триполья, в некоторых комплексах на территории Польши, отнесенных (безошибочно?) к кругу культур шнуровой керамики (Machnik 1979: гус.212г, 218с).

женами» трипольцев, изготовлявшими эту посуду согласно традициям своих племен (Мовша 1993: 46). Аналогичного мнения придерживаются и другие исследователи, отмечая технологическую самобытность скелянской посуды (сделанной путем выбивки в технике «наковальни и лопаточки») и одновременно близость таковой трипольским и степным традициям по признакам морфологии и стиля (Палагута 1998). Пишут также о захвате степнячек в итоге успешного для трипольцев военного конфликта с носителями скелянской культуры (Видейко 1999: 37) или, отрицая конфликт, просто о приходе по браку в трипольские общины степных женщин (Котова 2006: 129). Возможно, «брачной» версии было бы достаточно, если бы не проблема происхождения других предметов, обычно трактуемых как символы власти — скипетров и булав. Чьи они в Триполье, свои или чужие? Или высокопоставленных «степных мужей» трипольских женщин? Но, например, на хорошо известном трипольском Березовском поселении (Цыбесков 1971) присутствует вся дискуссионная триада — скипетр, набалдашник булавы и скелянская посуда (фото 2). Скипетр и набалдашник (сравните с функционально аналогичной «парой» в Хвалынском могильнике, по *Агапову и др. 1990*) сделаны, как и многие другие каменные орудия этого памятника, на месте, из силикатного мрамора (офикальцита), добытого в близлежащем уникальном месторождении (Петрунь 1965-1969). Более того, набалдашник — еще и явный полуфабрикат (насадное отверстие не сквозное). Если исходить из принадлежности памятников Триполья-Кукутень дуальным социальным организациям, подобное сочетание артефактов на одном поселении представляется вполне закономерным.

То, что взаимодействие Триполья и Степи осуществлялось в системе дуальных социальных структур, вытекает не только из характера распределения «степных» и «аборигенных» артефактов, но и ряда принципиальных особенностей самих трипольских памятников.

Дуальные организации являются одним из универсальных социальных институтов первобытности и, соответственно, универсально-исторический характер носят связанные с ними многие мифологические сюжеты, религиозные верования и двоичные противопоставления (бинарные оппозиции) (Золотарёв 1964; Леви-Строс 1983). В узком смысле под такой организацией понимаются объединения пар экзогамных родов или фратрий. Дуальная организация в широком смысле — это деление племени или, например, селения на две половины, не являющиеся экзогамными и вообще не играющие никакой роли в регулировании браков. В этом случае дуальная организация, иначе называемая двухклассовым обществом, или двухклассовой системой (*moiety system* в англоязычной этнологии), имеет территориальный характер, порой объединяя разные в этническом отношении половины, отличающиеся также по специализации на определенном виде хозяйственной деятельности. В общественной и особенно в культовой жизни обе половины противостоят друг другу и одновременно друг друга дополняют, что проявляется во взаимных обязанностях во время праздников, похорон, инициаций и т.п., а также в спортивных состязаниях и традиционных боях (Свод...1986: 115-117).

В предыдущем абзаце бинарные оппозиции упомянуты не случайно. Весьма часто они становились нарицательными обозначениями половин дуальных структур как Людей Севера и Юга, Верха и Низа, людей землянок и т.п. (Косарев 1984: 173). Существенное влияние на формирование оппозиции «внутренний — внешний» оказала в древности семантика жилища (Байбурин 1983: 11 сл.). В свою очередь этой семантической паре близка основополагающая в этническом самосознании оппозиция «свой — чужие». В традиционных обществах, отмечает А.К. Байбурин, жилище составляет один из ключевых символов культуры; оно есть квинтэссенция освоенного человеком мира; важной содержательной доминантой дома является его связь с социальной структурой.

Как известно, для всех этапов Триполья-Кукутень характерны два принципиально разных типа сооружений, интерпретируемых как жилища — так называемые землянки и обожженные глинобитные площадки. Связь этих сооружений с гипотетической дуальной структурой напрашивается сама собой, независимо от дискуссий о конструктивной роли в трипольском домостроительстве самих площадок (или, как их называют румынские археологи, «платформ»). Стоит все же отметить существование в настоящее время двух домостроительных концепций. Первая из них объясняет площадки как преднамеренно обожженные *in situ* полы одноэтажных строений. Сторонники другой концепции полагают, что имеют дело с рухнувшими на землю потолочными или межэтажными перекрытиями, глиняная обмазка которых спонтанно обожглась в результате ритуального сожжения домов. Ни первая, ни тем более вторая, опровергаемая экспериментальными и расчетными выкладками концепция (Колесников 1993), не представляются адекватными археологическим реалиям. Пожалуй, ближе к истине были те первые исследователи, В.В. Хвойко и Э.Р. фон Штерн, которые метафорически определяли эти объекты как «дома мертвых».

По моему глубокому убеждению, площадки представляют собой масштабные плоскостные символические модели, образы где-то реально существовавших жилых и, не исключено, специализированных культовых сооружений. Это целостные сакрально-обрядовые объекты, а не полы или обрушенные перекрытия построек. В противном случае сами места поселений, особенно «поселений-гигантов», выглядели бы иначе — от сотен и тысяч площадок остались бы неуничтожимые бугры оплывших глинобитных стен, если же стены были сборные — многочисленные ямы от опор каркаса. На позднем этапе Триполья известно немало так называемых редуцированных площадок — неармированных пластов прокаленной глины, лоскутных, произвольных

в плане (непрямоугольных), наслоенных непосредственно на землю и т.п. «Редуцированные» глинобитные площадки *in situ* известны в культуре Чернавода I (Haşotti 1997: fig.120-123), в перемещенном состоянии — на усатовском городище Маяки (бесчисленные обломки во рвах). На городище Большой Куяльник (Усатово), где никаких глинобитных конструкций нет, площадки выкладывались из щебня, бута и плитняка, и тоже обожжены.

Равным образом крайне сомнительно, что ямы, как правило, бесформенные в плане, с неровным перерытым дном, нередко с подбойными стенками, были жилищами землянками, а не такими же, как наземные платформы, имитациями жилых сооружений. Исключительно интересна почти «египетская» приуроченность такого рода «земляночных» комплексов к регулярным разливам Днестра, выявленная на памятнике Триполья VII-С1 Сорочки-Озеро (Черныш 1970: 77).

Еще одна характерная разновидность трипольских сооружений — это рвы. Который из них служил оборонительным целям? Рвы всегда полны культурных остатков, и послойно наполнены, будь-то дуга, отделяющая памятник от напольной стороны, или прямая канава с очагами, подобная 45-ти метровой «землянке» Луки-Врублевской. И в случае этих рвов, согласно разработанным И.П. Русановой (2002) критериям, налицо все признаки функционально именно обрядовых, а не каких-то иных (фортификация) сооружений.

Подстать «жилищам» и рвам — топография и типовая планировка трипольских памятников. Если это были постоянные, тем более, сельскохозяйственные поселения, то складывается впечатление, что, выбирая для них место, руководствовались целесообразности руководствовались нечасто. В целом ряде случаев непригодность выбранных мест для стационарного проживания просто очевидна. Тому есть интересное, независимое от археологии подтверждение: сами места этих «поселений» в фольклорной топонимике прочно ассоциируются с крепостями и городищами

ми. Есть даже систематическая подборка такого рода топонимов (Дергачев 2007), но она, конечно, никоим образом не свидетельствует о том, что предполагаемую войну трипольцев и степняков в Молдавии запомнили на тысячелетия. Обстановка в средние века не была спокойнее, чем в энеолите, тем не менее трипольская поселенческая топография чужда земледельческим сельским поселениям средневекового времени. Самым распространенным типом древнерусских сельских поселений был приречный, характерный и для лесостепи, и для лесной зоны (Древняя Русь 1985: 98). Как правило, селища приречного типа вытянуты неширокой полосой (40-60 м) по самой кромке коренного берега или одной из террас над ним. Протяженность таких селищ обычно не превышала 500 м, но отмечены и памятники длиной до 1,5 км. Удаленность селищ от русла реки (ручья) более чем на 100 м — явление крайне редкое, подчеркивает А.В. Куза. В силу их топографического положения прибрежные части этих поселений часто сильно разрушены. Насколько же могли сохраниться существенно более древние памятники с аналогичной топографией и планировкой? Ни одного «линейного» трипольского памятника, вытянутого вдоль реки мы не знаем.

Типичнейшая планировочная модель трипольских памятников — кольцевая структура. Внутри колец на свободной площади мог временно (сезонно?) содержаться скот. Он же, скорее всего, и был источником использованного при обжиге площадок топлива. Дровяной обжиг этих монолитных сооружений технически маловероятен (Зиньковский 1982) и археологически не обоснован (отсутствует древесный уголь). Предположение о сжигании кизяка на площадках объясняет: специфический обжиг обмазки и находимых на площадках артефактов, отсутствие видимых остатков горючего материала (угля и копоти), отсутствие обугленной дровяной арматуры «платформ». Глеющее горение этого вещества, подобно каменному углю или торфу, дает продолжитель-

ную высокотемпературную теплоотдачу.⁷ Арматурная древесина или пережигалась в пепел, или, что более вероятно, без доступа воздуха не горела вообще, впоследствии сгнивая. Наличие на одних и тех же площадках обожженных и необожженных артефактов свидетельствует о длительной, по крайней мере, не одноразовой «эксплуатации» этих неординарных объектов. То же самое можно сказать о рвах и землянках, учитывая послойную структуру наполнения (минимум трехлетний срок для трехкратно затопленных паводками землянок памятника Сороки-Озеро).

Не вижу другой возможности интерпретировать взаимное стратиграфическое положение «землянок» и площадок, сами особенности сооружений иначе, нежели с точки зрения бинарных оппозиций. «Землянки» — это семантический низ, и как таковой — неупорядоченность, хаос, вода. Эта образно-семантическая причастность как бы подчеркивается самими формами и «мусорным» содержимым «землянок», причастность к водной стихии (по смыслу первозданной?) — характерными только для «землянок» прослоями раковин. Дом-площадка — это верх и, в противоположность «землянке», сама упорядоченность (часто четкий прямоугольный план, системно расставленные сосуды и прочий инвентарь).

Чрезвычайно примечательно, что керамические трипольские модели постоянно изображают дома и, быть может, «храмы» как постройки на сваях-столбах. Но это не обязательно связано с домо-строительной реальностью, хотя домами на сваях-столбах были застроены многие

⁷ Каменная площадочная выкладка под одним курганом Усатово оказалась пережженной в известь, а земля спеклась, и с трудом расчищалась даже с помощью лома. Сгорание дерева должно было оставить хотя бы небольшое количество угля, которого здесь совершенно не наблюдалось, а солома или травы оставили бы следы коפותи и много золы, тоже не обнаруженные. Исходя из этого, исследовательница памятника резонно предположила, что горючим материалом послужил кизяк (Лагодовская 1933).

районы неолитической и «бронзовой» Европы. В данном случае дело, скорее, в особом семантическом осмыслении дома и его внутреннего пространства (печь, возвышение жертвенника-алтаря, рабочее место и прочие значимые детали). Аналогичная трипольским и некоторым гумельницким (Болград-Алденъ) образцам модель «дома на сваях» из Овчарово, где жилые дома были каркасно-столбовыми, но явно не свайными, а наземными⁸ (Тодорова 1986: 167сл.), говорит об устойчивой (ареальной карпато-дунайской) семантической соотнесенности жилого дома с «верхом» как частью фундаментальной семиотической оппозиции. Сама укладка под глинобитный «пол» древесины — цельных или расколотых древесных стволов или хотя бы веток, не рациональная ни из каких практических соображений, — есть семантическое подчеркивание того же смысла, т.е. «верха», отличного от семантического низа (землянка, яма).⁹

Итак, ямы-землянки на трипольских поселениях — это сооружения «людей Низа», дома-площадки¹⁰ — антипода этой группы, или, условно говоря, «людей Верха». Порядок перекрытия одних сооружений другими, как мне представляется, во многих случаях носит не столько хронологический, сколько ритуально обусловленный характер, на антитетическую сущность которого указывают рвы (они служили для зримого обозначения границы, а не для предотвращения доступа). Примечательны площадки, перекрывающие некоторые такие рвы, немногочисленные

⁸ Свайные поселения отмечены в районе Варны (Тодорова 1986: 72). Но возникают сомнения в том, что именно обнаружено: несущие конструкции свайных построек или все же основания наземных столбовых домов вытянутого в линию прибрежного поселка, существовавшего в период регрессии.

⁹ В трипольской культуре соответствующее противопоставление воплотила модель из Россоховатки.

¹⁰ Отдельная тема, которой мы не можем сейчас касаться, — карпато-дунайские истоки площадок, восходящие к среднему (культура Дудешть), если не к раннему неолиту (Кёреш).

сугубо «земляночные» памятники (Лука-Врублевская, Чапаевка и Казаровичи) и редкие случаи «обратной стратиграфии» площадок и землянок (например, Березовское поселение).¹¹ Усатовская культура (поздний, полностью вынесенный в степной регион вариант системы «Триполье — Степь») оставила прямые свидетельства ритуальной враждебности — следы боевого травматизма на черепах погребенных людей (Зиньковский, Петренко 1987; Петренко 2003).

По-видимому, в основе предполагаемого дуального «союза» лежала, прежде всего, материальная мотивация: каждая сторона имела в достатке только что-то одно, вместе — они обладали многим, включая рацион и широту обменных связей, но не обеспечение партнерами по браку. С «людьми Низа» отождествляется массивный (гиперморфный) протоевропеоидный тип, характерный для могильников новоданиловского типа и надпорожско-приазовского неолита (Телегин и др. 2001). Если бы эти люди вступили в брачные связи с трипольцами, то средиземноморский морфологический тип Триполья вряд ли сохранился бы в чистом виде до времен этапа С. Между тем, понадобились немалые краниометрические усилия и профессионализм, чтобы доказать присутствие в серии Выхватинского могильника массивной европеоидной примеси, впрочем, в мужской серии не отмеченной (Великанова 1975). Более ранние, чем Выхватинцы, черепа поздних трипольцев из Бильче Злоте показали бесспорную расово-морфологическую однородность — средиземноморский тип. Никаких «метисных» черт пока не отмечено и в позднем трипольском могильнике Чапаевка — только «чистые» морфологические типы (Круц 1990) людей «Верха и Низа». Известное исключение составляют усатовские могильники, в составе которых И.Д. Потехина выделила несколько захоронений с метисными морфологи-

¹¹ Сравните срезку ровиком площадки на могильнике Джурджулешты, о чем говорилось выше.

ческими признаками (Потехина 1990). Черепа из трипольских «интрамуральных» захоронений, естественно, разные — средиземноморского и протоевропеоидного типа большой европейской расы, что закономерно, поскольку найдены они на памятниках, принадлежавшим дуальным структурам. На этих же объектах встречаются изредка и экзотические формы (черепа девочки с негроидными признаками в Луке-Устиновской).

Памятники группы Болград-Алденъ носят тот же характер, что и рассмотренные выше трипольские объекты. Такой памятник как Нагорное II (Skakun 1996) выделяется среди остальных тем, что обнаруживает в составе и планировке «комбинированное» сходство с культурами Боян или Триполье (площадки) и Хаманджия — участки, размежеванные узкими ровиками и густо изрытые круглыми ямами (как в Чамурлии де Жос, ср. Naşotti 1997: fig.14-15,1). В поселении Новосельское I, кроме площадок и ям, обнаружена первая жилая землянка (Субботин 1990; Субботин, Василенко 1999). Настоящее поселение культуры Гумельница известно в Добрудже — это Дуранкулак (Тодорова 1986: 176), тогда как некоторые телли в том же регионе по структуре определенно напоминают зольные холмы (например, Хыршова) и отчетливых свидетельств наличия остатков жилой застройки не дают, если не считать таковыми пласты прокаленной глины. В качестве аналогии таким теллям стоит упомянуть еще более масштабные памятники — неолитические зольные холмы Индостана. Для них характерны прослойки золы, изобилующие разнообразным археологическим материалом, и прокаленные глинобитные промазки. Специальные исследования показали, что эти зольники, непосредственно связанные с окрестными неолитическими поселениями, образовались в результате сжигания навоза (Щетенко 1979: 82сл.).

В экономике группы Болград-Алденъ предполагается важная, если не доминирующая, роль скотоводства (Субботин 1983: 90сл.; Субботин, Василенко 1999).

Состав стада был приспособлен к условиям окружающей среды; в порядке убывания чисел забиваемого поголовья это — крупный рогатый скот, овца, доля которой заметно выше по сравнению с Трипольем, домашняя свинья. В заметно большем количестве, нежели в Триполье, имелись домашние лошади. Выращивались неприхотливые виды злаков: древние плечатые пшеницы, спельта, два вида ячменя и просо; неизвестна мягкая/карликовая (хлебная) пшеница, которая возделывалась наряду с этими же злаками у соседей в Триполье (Збеневич 1989: 145).

Область, где к Гумельнице неприменима дуальная модель с участием скелянской культуры, лежит существенно южнее Добруджи, в районах северо-фракийских медных рудников и земледельческих деревень. При высокой обеспеченности мясом этих деревень, их компактная, почти агглютинативная планировка исключает содержание домашних животных внутри поселения. Обращая на это внимание, Х. Тодорова предположила, что скот содержался на пастбищах и, не исключено, сезонно перегонялся с целью выпаса на юг, подобно тому, как это еще до недавнего времени осуществлялось в Болгарии (Тодорова 1981: 39). По-видимому, в разных районах культуры Коджадермен-Гумельница-Караново VI существовали различные формы хозяйственной специализации, в том числе, возможно, автономные пастушеские общины. Определенная самостоятельность пастушества как социальной и мифологической субкультуры обнаруживается при анализе лингвистических основ Балканской модели мира, как полагают, восходящей к древне-балканской цивилизации неолита-энеолита (Цивьян 1990: 80сл., 89).

Дуальная модель не решает проблему происхождения скелянской (новоданиловской) культуры, но позволяет предварительно выдвинуть на этот счет две версии. Можно предположить, что эта культура постепенно сформировалась («вызрела») внутри дуальных структур, сложившихся с возникновением Прекукутень-Триполья

А и древнейшей Гумельницы (Болгард-Алдень). Необходимым условием для этого было наличие в районе формирования данных групп (культур) контингента массивных протоевропеоидов. О реальности такого условия свидетельствуют присутствие соответствующего антропологического типа среди носителей культуры Хаманджия (Тодорова 1986: 93; Телегин и др. 2001: 118) и захоронения в скорченном положении на спине в культуре линейно-ленточной керамики (Манзура 2000: 247), сыгравшей определенную роль в происхождении Прекукутень-Триполья (Збеневич 1989: 176сл.).

Ответственная за определенный экономический сектор (скотоводство, охота), «скелянская половина» со временем достигла уровней, которые позволили ее избыточному населению выйти за пределы расширяющейся системы и вынести в районы исхода как свою, уже в некоторой степени дифференцированную (два типа скипетров) субкультуру, так и элементы, присущие субкультуре «антиподов» (земледельцам). Кроме черноморско-азовских степей, таких районов оказалось не менее трех — Северный Кавказ, Северные Балканы, Трансильвания.

Складывается впечатление, что распространение «людей Низа» местами сопровождалось образованием своего рода дочерних дуальных структур. Так, например, в Трансильвании с ее культурой Тисаполгар появляется группа Деча-Мурешулуй. Керамика основного могильника этой группы, а именно миски (Kovács 1944: fig.7, fig.9), находит четкие соответствия в могильнике культуры Тисаполгар — Тисаполгар-Башатанья (Bognár-Kutzián 1963: pl.XXXV,2, pl.XL,5). Поселение Свободное домайкопской культуры демонстрирует, кроме находок скелянской керамики, характерные архитектурно-обрядовые формы «союза» — обожженные глинобитные площадки, расположенные по кругу, и послойно наполненный обводной ров. Это, а также концентрация на данном памятнике глиняных антропоморфных фигурок и статуэток бовинов по-

буждает признать обоснованным вывод А.А. Нехаева о весомой роли трипольской традиции в сложении ранних памятников домайкопской культуры (Нехаев 1992).

Как представляется, именно «люди Низа», скелянцы, а не земледельцы Триполья-Кукутень, способствовали распространению керамики, которое интерпретируется как трипольская миграция на территорию культуры Гумельница (Манзура 2000: 284). Смену культурного комплекса Болгард-Алдень трипольско-кукутенскими «платформами» на памятниках за Прутом (Берешть) И. Драгомир определяет не как нашествие, а как органичный переход (Dragomir 1996), что не удивительно, поскольку к этим памятникам, вполне вероятно, имеет отношение также и суворовская группа.

Версия «трипольской колыбели» новоданиловской (скелянской) культуры, в том числе суворовской группы, хорошо согласуется с географией распространения скипетров. Отмечу только, что если бы мне своевременно попала работа, из которой однозначно следует, что Хвалынской культуре присущ «мнимый возраст» (Шишлина и др. 2006), то «тонкий хронологический волосок», на котором оказалась повисшей концепция восточного происхождения скипетров, оборвался бы еще раньше (Петренко 2008). В отношении распространения скипетров ареал хвалынской культуры вторичен, а не первичен. Последнее важно, в частности, потому, что владельцы каменных символов коневодческих технологий. Именно технологии (сакральные в архаические эпохи) выступают как значимый и наиболее прочный фактор культурной преемственности. Поэтому, невзирая на хронологические дистанции, нельзя не учитывать (конечно, без всякого проведения связующих прямых), что «скипетроносцы» сконцентрировались в двух районах востока и запада, тяготея к тем областям, где впоследствии невиданного взлета достигли волго-уральский «колесничий» и карпато-дунайский «всаднический» или тоже

«колесничий» очаги культурогенеза эпохи бронзы (Бочкарев 1995).

Другая версия учитывает, что самые ранние памятники новоданиловской (скелянской) культуры, так или иначе, связаны с нижнедонской культурой, Мариупольским могильником (Шаталин, Резепкин 2001-2002; Котова 2006). Идя в предположениях далее, можно представить распространение этой культуры как развитие миграции по «скифской» модели — движение с востока на запад и попутное внедрение мигрантов в культурные формации, обрамляющие степной «коридор» (Триполье-Кукутень, Гумельница, Тисаполгар). Эта версия непротиворечива, по крайней мере, в хронологическом отношении: самый древний памятник находится на востоке, самый поздний — на западе (Деча-Мурешулуй).

Завершая статью, хочу подчеркнуть, что высказанные в ней соображения во многом предположительны и нуждаются в дальнейшей разработке. Тем не менее, идея о дуальных структурах мне представляется перспективной в приложении не только к ранним энеолитическим, но и более поздним памятникам Триполья и Степи. По-видимому, в эпоху палеометалла на юге Восточной Европы интерактивные двухклассовые «пары» появлялись систематически, определяя суть происходивших там культурно-экономических и социальных взаимодействий и перемен. Для позднего энеолита Северо-Западного Причерноморья — это Чернавода I и Хаджидер, в начале ранней бронзы — Усатово (с включенными в единую структуру степняками и представителями днестровско-прутского Триполья). В раннем бронзовом веке бинарной модели последовала ямная культура, уже на иных основах, с иными партнерами и с иным экономическим потенциалом.

Отдельная публикация в ближайшем выпуске «Материалов по археологии Северного Причерноморья» будет посвящена актуальной археологической характеристике западных степных групп позднего энеолита и начальных ступеней эпохи бронзы.

- Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. 1990. Хвалынский энеолитический могильник. Куйбышев.
- Алексеева И.Л. 1976. О древнейших энеолитических погребениях Северо-Западного Причерноморья // МАСП. Вып.8. Одесса.
- Алексеева И.Л. 1985. Племена энеолита — ранней бронзы междуречья Днестра и Дуная. Автореф. дис. канд. ист. наук. Л.
- Алексеева И.Л. 1992. Курганы эпохи палеометалла в Северо-Западном Причерноморье. К.
- Байбурин А.К. 1983. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.
- Бочкарев В.С. 1995. Карпато-дунайский и Волго-Уральский очаги культуругенеза эпохи бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — ранней бронзы Средней и Восточной Европы. СПб.
- Братченко С.Н., Константинову Л.Ф. 1986. Александровский энеолитический могильник // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. К.
- Бруяко И.В., Карпов В.А., Петренко В.Г. 1991. Изменение уровня Черного моря от эпохи камня до средних веков (по материалам северо-западного шельфа) // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. Вып.2. М.
- Бруяко И.В., Ярошевич Ю.И. 2001. Городище у с. Новосельское на нижнем Дунае. Одесса.
- Бурдо Н.Б. 1993. Ранний этап формирования Трипільської культури // Археологія. №3.
- Бурдо Н.Б. 2005. Трипільське населення і оточуючі племена. Моделі взаємодії // Кам'яна доба України. Вип.7. К.
- Бурдо Н.Б., Вайдюк М.Ю. 1998. Основи хронології Трипілья-Кукутени // Археологія. №2.
- Бурдо Н.Б., Станко В.Н. 1981. Энеолитические находки на стоянке Мирное // Древности Северо-Западного Причерноморья. К.
- Великанова М.С. 1975. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М.
- Виноградова Н.М. 1983. Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры. Кишинев.
- Вайдюк М.Ю. 1999. Вопросы взаимодействия «скотоводческого» и «земледельческого» населения в эпоху энеолита // КСАО. 1999.
- Волонтир Н.Н. 1989. К истории растительности юга Молдавии в голоцене // Четвертичный период. Геология и археология. Кишинев.
- Даниленко В.Н. 1974. Энеолит Украины. К.
- Даниленко В.М., Шмагль М.М. 1972. Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Європи // Археологія. №6.
- Дергачев В.А. 1980. Памятники позднего Триполья. Кишинев.
- Дергачев В.А. 1982. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975-1976). Кишинев.
- Дергачев В.А. 1986. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев.
- Дергачев В.А. 2007. О скипетрах, о лошадях, о войне. Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас. СПб.
- Дергачев В.А., Сорокин В.Я. 1986. О зооморфном скипетре из Молдавии и проникновении степных энеолитических племен в Карпато-Дунайские земли // Изв. АН МССР. №1. Кишинев.
- Древняя Русь. Город, замок, село. 1985. // Археология СССР. М.
- Журавлев О.П. 2004. О появлении домашних лошадей на Украине // Nomadizm a pastoralism w miedzyrzeczu Wisly i Dniepru (neolit, eneolit, epoka brazu). Poznań.
- Журавлев О.П. 2008. Тваринництво та мисливство у трипільських племен на території України. К.

- Журавлев О.П., Котова Н.С. 1996. Тваринництво неолітичного населення України // Археологія. № 2.
- Збенювич В.Г. 1974. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. К.
- Збенювич В.Г. 1989. Ранний этап трипольской культуры на территории Украины. К.
- Збенювич В.Г. 1980. Поселение Бернашевка на Днестре. К.
- Зиньковский К.В. 1982. Значение моделирования в исследовании остатков построек на поселениях трипольской культуры // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. К.
- Зиньковский К.В., Петренко В.Г. 1987. Погребения с охрой в усатовских могильниках // СА. №4.
- Золотарев А.М. 1964. Родовой строй и первобытная мифология. М.
- Иванов Вяч. Вс. 1979. О последовательности животных в обрядовых фольклорных текстах // Проблемы славянской этнографии. Л.
- Колесников О.Г. 1993. Трипільське домобудівництво // Археологія. №3.
- Косарев М.Ф. 1984. Западная Сибирь в древности. М.
- Котова Н.С. 2002. Неолитизация Украины. Луганск.
- Котова Н.С. 2006. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск.
- Кучера М.П. 1977. Китайская археология. М.
- Кременецкий К.В. 1987. О палеогеографии юга Днестровско-Прутского междуречья в эпоху гумельницкой (болградской) культуры // ИМФ АН СССР. №3.
- Круц В.А. 2001-2002. Животноводство в экономике трипольской культуры // Stratum plus. №2.
- Круц С.И. 1990. Антропологические материалы позднетрипольского могильника у с. Чапаевка // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Тальянки – Веселый Кут – Майданецкое.
- Лагодовская Е.Ф. 1933. Отчет о раскопках кургана № 3 в Усатово в 1933 году // Архив ОАМ НАНУ. №59124.
- Леви-Строс К. 1983. Структурная антропология. М.
- Литвинский Б.А. 1991. Семиреченские жертвенники (индоиранские истоки сакского культа огня) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М.
- Манзура И.В. 1997. Археология основного мифа // Стратум: структуры и катастрофы. СПб.
- Манзура И.В. 2000. Владеющие скипетрами // Stratum Plus. № 2.
- Мерперт Н.Я. 1989. Многослойное поселение у с. Юнаците в Южной Болгарии // Первобытная археология. К.
- Мовша Т.Г. 1961. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века // СА. № 2.
- Мовша Т. Г. 1981. Проблемы связей Триполья-Кукутени с племенами культур степного ареала // Studia Praehistorica. T.5/6.
- Мовша Т.Г. 1984. Хронология Триполья-Кукутени и степные культуры эпохи раннего металла в ее системе // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
- Мовша Т. Г. 1990. Актуальные проблемы истории позднетрипольского населения Днестровско-Днепровского междуречья // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. — Тальянки – Веселый Кут – Майданецкое.
- Мовша Т. Г. 1993. Взаємовідносини степових і землеробських культур в епоху енеоліту — ранньобронзового віку // Археологія. №3.
- Мовша Т. Г. 2000. К проблеме взаимодействия древних земледельцев Трипольско-Кукутенской общности с носителями культур Понтийских степей // Labores pariant honores. Проблеми археології Подніпров'я. Дніпропетровськ.

- Мовша Т.Г., Петренко В.Г. 1997. О культуре древнейших погребений с охрой в Западном и Северо-Западном Причерноморье // История, археология и экология Нижнего Подунавья. Рени.
- Мовша Т.Г., Петренко В.Г. 1999. О новоданиловских памятниках Нижнего Поднестровья и Подунавья // Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса.
- Нечитайло А.Л. 1996. Европейская степная общность в эпоху энеолита // РА. № 4.
- Нечитайло А.Л. 2000. Предпосылки формирования культурно-исторической общности в степях Юго-Восточной Европы // *Labores pariant honores*. Проблемы археології Подніпров'я. Дніпропетровськ.
- Палагута И.В. 1998. К проблеме связей Триполья-Кукутени с культурами энеолита степной зоны Северного Причерноморья // РА. №1.
- Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю. 1989. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. К.
- Петренко В.Г. 1982. Об ориентировке позднетрипольских погребений Северного Причерноморья // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. К.
- Петренко В.Г. 1989. Памятники энеолита и поворот эпохи к бронзовому веку в Северо-Западном Причерноморье // История и археология Нижнего Подунавья. Рени.
- Петренко В.Г. 1992. Опыт корреляции климатических и культурных ритмов // Северо-Западное Причерноморье. Ритмы культурогенеза. Одесса.
- Петренко В.Г. 1993. Относительно места в степном энеолите ряда памятников Днестровско-Дунайского региона // Древнее Причерноморье. Одесса.
- Петренко В.Г. 1994. Относительно систематизации памятников позднего периода культуры Триполье-Кукутень // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в.н.э.). Тирасполь.
- Петренко В.Г. 2003. Епонімне Усатове та проблема генези усатівської культури // Трипільська цивілізація у спадщині України. К.
- Петренко В.Г. 2008. Что такое энеолитические скипетры? // Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса.
- Петренко В.Г., Ковалюх Н.Н. 2003. Новые данные по радиоуглеродной хронологии энеолита Северо-Западного Причерноморья // Трипільські поселення-гіганти в Україні. Матеріали міжнародного семінару. К.
- Петренко В.Г., Носова Л.В., Кожухарь В.К., Денисюк В.Л. 2003. Археологические исследования в Южном Поднестровье // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. К.
- Петренко В.Г., Островерхов А.С., Сапожников И.В. 2002. Новый курган эпохи энеолита — бронзы в Нижнем Поднестровье // ССПК. Запоріжжя.
- Петрунь В.Ф. 1965–1969. К археолого-петрографической характеристике энеолитических памятников Северного Причерноморья (трипольское поселение у Березовской ГЭС). Архив ОАМ НАНУ.
- Потехина И.Д. 1990. Населення усатівської культури за даними антропології // Археологія. №2.
- Рассамакин Ю.Я. 1997. Світ скотарів // Давня історія України. Т.1. К.
- Рассамакин Ю.Я. 2004. Степи Причерномор'я в контексті розвитку перших землеробських суспільств // Археологія. № 2.
- Русанова И.П. 2002. Истоки славянского язычества. Культурные сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. Черновцы.
- Руссев Н.Д. 2003. Новый реалистический скипетр эпохи энеолита из Молдавии // *Interferența cultural-cronologică în spațiul Nord-Pontic*. Chișinău.

- Свод этнографических понятий и терминов. 1988. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М.
- Станко В.Н. 1967. Некоторые вопросы позднего мезолита Северо-Западного Причерноморья // ЗОАО. Т.2 (35).
- Субботин Л.В. 1983. Памятники культуры Гумельница юго-запада Украины. К.
- Субботин Л.В. 1990. Углубленные жилища культуры Гумельница в Нижнем Подунавье // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. — Тальянки – Веселый Кут – Майданецкое.
- Субботин Л.В., Василенко Б.А. 1999. Краткие итоги исследования гумельницкого поселения Новосельское I // Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса.
- Субботин А.В., Субботин Л.В., Островерхов А.С. 2000. Тимковский курган в свете проблем степного энеолита и культур бронзового века // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. Тирасполь.
- Телегин Д.Я. 1985. Памятники новоданиловского типа // Археология Украинской ССР. Т.1. К.
- Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В. 2001. Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона. Луганск.
- Тодорова Х. 1981. Энеолит Болгарии. София.
- Тодорова Х. 1986. Каменно-медная эпоха в Блгария. София.
- Хотинский Н.А. 1977. Голоцен Северной Евразии. М.
- Цивьян Т.В. 1990. Лингвистические основы балканской модели мира. М.
- Цыбесков В.П. 1971. Некоторые итоги исследования Березовского поселения // МАСП. Вып.7. Одесса.
- Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. 2000. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М.
- Черныш Е.К. 1970. Трипольское поселение Сороки-Озеро // КСИА АН СССР. Вып.123.
- Черныш Е.К. 1982. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // Археология СССР. М.
- Шаталин Ю.А., Резепкин А.Д. 2001–2002. Неолитический могильник с инвентарем мариупольского типа в Прикубанье и его место в системе древностей Юго-Восточной Европы // *Stratum plus*. № 2.
- Шаталин Ю.А., Резепкин А.Д. 2001–2002. Неолитический могильник с инвентарем мариупольского типа в Прикубанье и его место в системе древностей Юго-Восточной Европы // *Stratum plus*. № 2.
- Шишлина Н.И. 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V – III тысячелетия до н.э.) // Тр. ГИМ. Вып.165.
- Шишлина Н.И., ван дер Плихт Й., Зазовская Э.П., Севастьянов В.С., Чичагова В.А. 2006. К вопросу о радиоуглеродном возрасте энеолитических культур Евразийской степи // Вопросы археологии Поволжья. Вып.4. Самара.
- Щетенко А.Я. 1979. Первобытный Индостан. Л.
- Яровой Е.В. 2000. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла // Автореферат дис. ... докт. ист. наук. М.
- Bognar-Kutzián I. 1963. The Copper Age Cemetery of Tiszapolgar-Basatanya. Budapest.
- Comşa E. 1963. Unele probleme ale aspectului Aldeni II // SCIVA. Vol.XIV/1.
- Dodd-Opritescu A. 1980. Consideratii asupra ceramicei Cucuteni C // SCIVA. Vol.31/4.
- Dragomir I.T. 1983. Eneoliticul din sud-estul Romanici. Bucureşti.
- Dragomir I.T. 1996. Eneoliticul cucutenian din sudul Moldovei // Cucuteni. Biblioteca Memoria Antiquitatis. II. Piatra Neamţ.

- Gimbutas M. 1973.** The Beginning of the bronze age in Europe and the Indo-Europeans 3500-2500 B.C. // Journal of Indo-European Studies. V.1/2.
- Gimbutas M. 1994.** Das Ende Alteuropas. Der Einfälle von Steppennomaden aus Südrußland und die indogermanisierung Mitteleuropas // Archaeologia Alapitvány. Budapest.
- Govedarica B. 1998.** Das Problem der Suvorovo-Gruppe in den Ost-West-Beziehungen // Das Karpatenbecken und die Ostäuropäische Steppe. München.
- Govedarica B. 2004.** Zepferträger — Herrscher der Steppen // Internationale Interakademische Kommission für die Erforschung der Vorgeschichte des Balkans. Monographien. Bd.VI. Mainz-am-Rhein.
- Haheu V., Kurciatov S. 1993.** Cimitirul plan eneolitic de linga satul Giurgiulești // Revista Arheologica. №1. Cișineu.
- Harțuche N. 1987.** Cercetările arheologice de la Lișcoteanca // Istros. T.V. — Brăila.
- Harțuche N., Bounegru O. 1997.** Săpăturile arheologice de salvare de la Medgidia, jud. Constanța (1957-1958) // Pontica. XXX. Constanța.
- Hașotti P. 1989.** Observatii privind cultura Gumelnița în Dobrogea // Pontica. XXI-XXII. Constanța.
- Kovacs I. 1944.** A Marosdecsei rezkori temeto // Kozlemenyek. IV.1-2.
- Lăzurcă E. 1991.** Ceramica cucteniana in contextul asezarii gumelnitene de la Carcaliu (județul Tulcea) // Peuce. X.
- Levițki O., Demcenko T. 1994.** Grupul tumular de la Corjeuți — Briceni (R.Moldova) // Memoria Antiquitatis. XIX. Piatra-Neamț.
- Machnik J. 1979.** Krag kulturowy ceramiki sznurowej // Prahistoria ziem Polskich. T.II. Neolit. Wroclau — Warszawa — Krakow — Gdańsk.
- Mantu C.-M. 1995.** Citeva considerații privind cronologia absolută a neo-eneoliticului din Romania // SCIIVA. Vol.46/3-4.
- Manzura I.V. 1993.** The East — West Interaction in the Mirror of the Eneolithic and early Bronze Cultures in the Northwest Pontic // Revista Arheologica. №1. Cișineu.
- Popescu D. 1940.** La tombe à ocre de Casimcea // Dacia. VI-VIII. București.
- Simon M. 1986.** Unele probleme ale aspectului cultural Stoicani-Aldeni // SCIIVA. Vol.37/1.
- Skakun N. 1996.** New excavations of a eneolithic settlement in the lower Danube region // Cucuteni. Biblioteca Memoria Antiquitatis. II. Piatra Neamț.
- Scanteia. 1999.** Cercetare arheologică și restaurare. Iași.
- Vančugov V.P., Bruiako I.V., Sirbu V., Niculița I.T. 1999.** Cercetările arheologice de la Novoselskoe II — Satu Nou. Campanile 1997–1998 // Cercetări arheologice in aria Nord-Traca. București.
- Važarova Ž. 1988.** Zoomorphes Zepfer aus Kjulevča, Bezirk Šumen // Studia Praehistorica. 8. София.

SUMMARY

The problem «Tripolje and Steppe» is considered. The author makes a hypothesis that the relationships of bearers of cultures and cultural groups of Eneolithic and Early Bronze Age in the south of East Europe implemented within the system of dual organizations. Along with steppe cultural groups, Tripolje-Cucuteni, Gumelnitza, Cernavoda I cultures (in Early Eneolithic period, probably, also the Premaikop Culture of the Northern Caucasus) were included in different two-class structures (moiety systems). These dual organizations were territorial by nature. The author supposes that the dual organizations integrated different ethnic collectives, which were distinguished in their economic specialization — farmers and herders.

ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ГОРОДИЩА КАРТАЛ¹

Многослойный археологический памятник — городище Картал — располагается на левом берегу Нижнего Дуная у с. Орловка Ренийского района Одесской области. Несмотря на то, что первые известия о находках древностей в этом районе связаны именно с названием «Картал» (Мурзакевич 1844: 628), в наши дни подавляющему большинству исследователей этот памятник известен как «городище у с. Орловка», «городище Орловка-I», «Каменная Гора».

«Картал» становится «Орловкой» уже после Второй мировой войны, когда Бессарабия в очередной раз вошла в состав России (СССР). Подобная инверсия названий станет абсолютно понятной, если учесть, по меньшей мере, два обстоятельства: во-первых, перевод с турецкого на русский слова «cartal» — «орёл»; во-вторых, не слишком богатое воображение советских чиновников, проявившееся в том числе в выборе новых названий для сёл Южной Бессарабии. Наряду с типично украинской советской топонимикой («Жовтневое», «Першотравневое», «Червоноармейское» и пр.), зачастую, названия молдавских, болгарских, гагаузских сёл просто переводились на русский язык.

Как археологический пункт Картал становится известным не позднее конца 30-х — начала 40-х гг. XIX в. В 1840 г. (1841?) вблизи селения были обнаружены плиты с латинскими надписями. Сохранились сведения о находке 6 обломков таких плит и одном мраморном рельефе с изображением Аполлона и Артемиды на охоте

(Мурзакевич 1844: 628). Предметы были обнаружены в кургане, разрытом крестьянами для каких-то своих нужд. Сведения о находке поступили в Одессу, и в 1844 г. Картал посетил секретарь Одесского общества истории и древностей Н.Н. Мурзакевич, который и приобрел для музея Общества эти памятники (ИРЕ, I², №1).² В 1848 г. на юг России отправилась научная экспедиция Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества, которую возглавлял граф А.С. Уваров. Экспедиция должна была, по возможности, обследовать и составить реестр всех наиболее значительных памятников Причерноморья. К тому времени находки из Картала уже были опубликованы, а кроме того, известно, что по приезде в Одессу А.С. Уваров познакомился с Н.Н. Мурзакевичем (Тункина 2002: 250-251).³ Возможно, что задача обследования местности у селения Картал и появилось в планах А.С. Уварова после этого знакомства. Как бы там ни было, именно военные топографы в составе экспедиции А.С. Уварова впервые детально обследуют местность вокруг селения и составляют подробный топографический план.⁴ Благодаря этому,

² К настоящему времени сохранилась лишь одна плита, которая находится в экспозиции ОАМ.

³ Вероятно, имеется в виду личное знакомство, поскольку переписка Н.Н. Мурзакевича с А.С. Уваровым началась ещё до приезда последнего в Одессу. Первое письмо от Н.Н. Мурзакевича в архиве А.С. Уварова датировано 20 февраля 1848 г. А в письме от 9 июня того же года Н.Н. Мурзакевич пишет: «Слух давно носится о Вашем приезде в Одессу, жду и не дожусь столь доброго и радостного дня» (ОПИ ГИМ ф.17, оп.1, л.415).

⁴ А.С. Уваров (Н.Н. Мурзакевич?) выяснил, что, помимо лапидарных памятников, в этом же кургане находились следы какой-то постройки. Он предположил, что это могли быть остатки башни, в стены которой и были вмонтированы отмеченные плиты (Уваров 1851: 184).

Статья написана при поддержке совместного гранта РГНФ и НАН Украины №23/08-01-9113а/У.

¹ Понятие «историческая топография», на мой взгляд, обозначает изменения ландшафта, вмещающего тот или иной археологический памятник, вызванные деятельностью его древних обитателей.